Министерство образования и науки Российской Федерации
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ (НИ ТГУ)
Исторический факультет
Кафедра отечественной истории (ОИ)

ДОПУСТИТЬ К ЗАЩИТЕ В ГЭК
Руководитель ООП
канд. ист. наук, доцент
_____ Ж. А. Рожнева
«6» 06 2018 г.

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА БАКАЛАВРА

РЕВОЛЮЦИЯ ЦЕН В ЕВРОПЕ XVI ВЕКА И ВОЗМОЖНОСТЬ ЕЕ ВЛИЯНИЯ НА ЭКОНОМИКУ МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВА

по основной образовательной программе подготовки бакалавров
направление подготовки 46.03.01 – История

Моисеенко Арсений Дмитриевич

Руководитель ВКР
д-р. ист. наук, профессор
_____ В. В. Шевцов
подпись
«31» 05 2018 г.

Автор работы
студент группы № 03401
_____ А. Д. Моисеенко
подпись

Томск – 2018

ОГЛАВЛЕНИЕ

АННОТАЦИЯ ... 3
ВВЕДЕНИЕ ... 5
ГЛАВА 1. ЕВРОПА В КОНТЕКСТЕ ЭСКАЛАЦИИ КАПИТАЛИЗМА ... 25
1.1. Европа накануне революции цен ... 25
1.2. Феномен непрерывной инфляции ... 28
1.3. Характер революции цен ... 35
ГЛАВА 2. ЭКОНОМИЧЕСКАЯ КОНЪЮНКТУРА МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВА В КОНТЕКСТЕ ЕВРОПЕЙСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЙ ... 39
2.1. Московское государство в логике представителей «тотальной истории» ... 39
2.2. Экономическая конъюнктура Московского государства в XVI в. ... 46
2.2.1. Московское государство в контексте эскалации европейского капитализма ... 47
2.2.2. Внутренние тенденции развития экономики Московского государства ... 50
2.3. Закрепостительная политика Московского государства в XVI в. ... 58
2.4. Сущность закрепостительной политика Московского государства в конце XV–XVI вв. в контексте изменений экономической конъюнктуры ... 70
2.5. Генезис торгового капитала и основные элементы его реализации ... 80
ЗАКЛЮЧЕНИЕ ... 87
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ ... 95
ПРИЛОЖЕНИЯ ... 106
Приложение № 1. Показатели индекса потребительских цен ... 106
Приложение № 2. Данные грамоты. ... 107
Приложение № 3. Купчие грамоты. ... 112
Приложение № 4. Льготные грамоты. ... 115

АННОТАЦИЯ

Выпускная квалификационная работа: 18 опубликованных источника, 85 пунктов из списка литературы, 4 приложения.

Ключевые слова: революция цен, экономическая конъюнктура, крепостное право, торговый капитал, социальные практики.

В настоящей работе производится попытка проанализировать состояние экономической конъюнктуры Западной Европы в конце XV – начале XVI вв. в контексте эскалации капитализма и развития феномена революции цен. На основе данного рассмотрения автор работы осуществляет сопоставление социально-экономической конъюнктуры Московского государства в XVI в. с западноевропейскими реалиями. Исследование базируется не только на рассмотрении базовых экономических показателей, но и на изучении специфики видоизменений социальных практик в контексте закрепостительных тенденций.

Объект – отражение изменений экономической конъюнктуры и социальных практик в европейском регионе и Московском государстве.

Предмет – воздействие проявившихся трансформаций в европейской экономике на структуры действия рынка, государственную политику и социально-экономическую конъюнктуру России.

Цель – установить логику конъюнктурных связей между западноевропейским регионом и Россией, а также её место в формирующемся капиталистическом миропорядке с тенденцией к гиперинфляционным сдвигам.

В связи с поставленной целью необходимо решить следующие **задачи**:

1) дать определение феномену «революция цен»;

2) раскрыть и дать характеристику основных тенденций политики Московского государства в XVI – начале XVII вв.;

3) описать специфические особенности экономической конъюнктуры, которые могли способствовать распространению экономических последствий революции цен;

4) выявить связь между эпохой «первоначального накопления капитала» и внутриполитическими процессами в Московском государстве.

Методологическая база: индукция, дедукция, синтезирование, классификация, систематизация, относятся историко-сравнительный анализ, проблемно-хронологический метод, описательный статистический анализ и элементы метода корреляции.

Новизна: в отечественной историографии осуществлялись исключительно косвенные попытки рассмотрения предложенной тематики, поскольку революция цен не рассматривалась как самостоятельный объект изучения. В этом смысле, целостное рассмотрение связи данного гиперинфляционного феномена с экономикой Московского государства в русскоязычной исторической науке рассматривается впервые.

Полученные результаты и значимость работы: Возможность влияния революции цен на экономическую конъюнктуру Московского государства была, причём крайне активная. Во-первых, это связано с геополитическими трансформациями в XV–XVI вв. Во-вторых, со сдвигами основных торгово-экономических путей и зон. И в-третьих, сами капиталистические тенденции, которые крайне активно функционировали в XVI веке в Европе, стремительно проникали в социально-экономическую конъюнктуру Московского государства, с одной стороны, видоизменяя существующую систему взаимоотношений различных категорий населений России, а с другой, приобретая абсолютно новые черты.

В данной работе предлагается определенная исследовательская стратегия в контексте отражения феномена революции цен на развитие тенденций трансформации социальной регуляции и экономических изменений. В этом контексте работа может быть продолжена с привлечением архивных источников и дополнений в предложенную объяснительную модель.

Область применения: исторические исследования.

ВВЕДЕНИЕ

Развитие европейского континента на протяжении всего XVI века связано с различными неординарными процессами и кризисами, которые повлияли на дальнейшее формирование мира и сделали его таким, каким мы его знаем через призму существующей исторической, гуманитарной и экономической научной литературы. Безусловно, различные позиции и точки зрения, которые представлены в приведенных сферах гуманитарного знания, не являются всеобъемлющими и исчерпывающими относительно изучаемого периода. Однако, следует отметить, что некоторые процессы, которые актуальны для европейского развития в XV–XVII вв., вполне применимы и к Московскому государству. Примерами могут служить имперские амбиции Испании и Священной Римской империи, которые стали набирать особую силу во второй половине XVI века, что возможно соотнести с имперской символикой и стремлениями Ивана IV Грозного и его последователей. Реформация, охватившая практически весь европейский континент в XVI в., не обошла стороной и Московское государство начала столетия, когда возникло типологически схожее европейскому противоборство нестяжателей и иосифлян. Безусловно, Россия вышла из этого противостояния совершенно по другому сценарию, однако невозможно не замечать сходство в логике самого конфликта с процессами европейской Реформации. Возможно обнаружить ещё ряд подобных сходств, которые, скорее всего, будут разниться хронологически, однако в своей сущности будут представлять один и тот же процесс, приобретавший различные формы воплощения ввиду некоторых особенностей.

В данной работе, в связи со спецификой внутреннего исторического развития и внешними факторами, рассматривается социально-экономическая ситуация Московского государства в XVI в. в контексте зарождающихся и развивающихся конъюнктурных процессов в Западной Европе. В этом смысле наибольший интерес представляет скорее не формирование капитализма, а его становление и вызревание как определенной социально-экономической

тенденции, которая стала основой для формирующейся общественной системы западноевропейского мира, проникшей во все сферы его деятельности. В предложенном контексте актуализируется изучение феноменов, которые связаны со становлением капиталистической специфики мира. Одним из таких феноменов является революция цен, которая произошла в Европе в начале XVI в. В этой связи представляется важным исследовать некоторые базовые вопросы относительно взаимодействия данного гиперинфляционного сдвига с Московским государством. В этом заключается новизна настоящей работы, поскольку в историографии осуществлялись исключительно косвенные попытки рассмотрения предложенной тематики.

В свою очередь, научная, дисциплинарная актуальность исследования связана с различными историографическими дискуссиями по проблемным точкам изучения глобальных исторических, экономических и других процессов и феноменов, которые происходили в прошлом или же актуальны и в современности.

В настоящей работе также осуществляется краткий обзор по настоящему исследовательскому направлению. Кроме того, предлагается некоторая неклассическая позиция в рассмотрении историографической ситуации и социальных практик, которая, в итоге, связывается со сложностями и неоднозначными трактовками выбранной тематики. В связи с этим следует обозначить проблему исследования, категорию, которая автором работы понимается как главный вопрос, актуальный сегодня для историографической среды. Его решение последовательно и поэтапно будет прослеживаться в течении всей работы. В этом смысле, основной проблемой исследования видится вопрос, который связывает возможность или невозможность влияния революции цен на социально-экономическое развитие Московского государства. Именно с предложенной проблемой связана цель работы, а также её задачи.

Цель данного исследования заключается в установлении сущности конъюнктурных связей между западноевропейским регионом и Россией, а также её место в формирующемся капиталистическом миропорядке; что позволит, в

конечном итоге, определить возможности и формы влияния революции цен в Европе на социально-экономическую конъюнктуру Московского государства в XVI – начале XVII вв.

В связи с поставленной целью необходимо решить следующие задачи:

1) дать определение феномену «революция цен»;

2) раскрыть и дать характеристику основных тенденций цельной политики Московского государства в XVI – начале XVII вв., как неразрывной связи между внутренней и внешней политикой;

3) описать специфические особенности экономической конъюнктуры, которые могли способствовать распространению экономических последствий революции цен на восточные страны Европы;

4) выявить связь между эпохой «первоначального накопления капитала» (как следствия инфляционных волн) и внутриполитическими процессами в Московском государстве.

Объект исследования – отражение изменений экономической конъюнктуры и социальных практик в европейском регионе и Московском государстве в контексте узкоспециальной и обширной историографии, а также в источниковой базе.

Предмет – воздействие проявившихся трансформаций в европейской экономике на структуры действия рынка, государственную политику и социально-экономическую конъюнктуру Московского государства.

Пространственно-исторические особенности предложенной тематики крайне сложно определить однозначно, поскольку исследуются различные по своей специфике регионы. Поэтому территориальные рамки работы возможно обозначить как географическая часть Европейского континента в конце XV–XVI вв. Однако, следует выделить несколько регионов, которым уделено особое внимание: Западная Европа, Балтийская торгово-экономическая зона, собственно территория Московского государства.

Хронологические рамки исследования представлены периодом конца XV – первой половины XVI вв., как время изменений в

западноевропейской экономической конъюнктуре; а также второй половиной XVI – началом XVII в., то есть временным промежутком, до которого представляется актуальным в контексте тематики проследить генезис социально-экономических отношений в Московском государстве.

Источниковая база исследования позволяет проиллюстрировать и дополнить те или иные тенденции развития Московского государства, представленные в историографии.

1) юридические акты: статьи 57 и 88 Судебников 1497 и 1550 гг.[1]

2) делопроизводственная документация: фрагменты из Белозерской таможенной грамоты, отписи и др.

3) актовые материалы: жалованные, данные, льготные, купчие и другие грамоты.

4) дипломатические источники: царские грамоты королю Дании Фредерику II.

Источниковый материал, используемый в работе, взят из нескольких сборников, содержащих разного рода документальные и актовые сведения.

Сборник «Русская историческая библиотека. Т. 32. Архив П. М. Строева»[2] представлен в рамках настоящей работы большим количеством источниковых данных, как делопроизводственной документации, так и актовых материалов; примерами используемых материалов являются: жалованные грамоты, заповедные, порядные, отписи и др. материалы. Решение выпускать этот сборник было озвучено в 1910 году в честь 75-летия Археографической комиссии. Издание этого сборника, а также наполнение и других собраний актов, стало возможным после многолетней работы историка и архивиста П. М. Строева. Том № 32, часть №1 содержит 382 акта с 1400 г. до 1598, то есть до смерти царя Федора Иоанновича.

---

[1] Статья 57 Судебника 1497 г. О христьанском отказе // Хрестоматия по истории СССР. Т.1. С древнейших времен до конца XVII века. М., 1951. С. 286; Статья 88 Судебника 1550 г. // Хрестоматия … С. 326.

[2] Русская историческая библиотека, издаваемая Императорской Археографической комиссией. Т. 32. Архив П. М. Строева. Т. 1, Петроград, 1915.

Другой сборник из серии «Русская историческая библиотека» носит название «Русские акты Копенгагенского государственного архива»[3]. Издание указанного собрания исторических источников стало возможно по инициативе Ю. Н. Щербачева, который в 1890 году, будучи первым секретарем Российской миссии в Копенгагене, обратился к Археографической комиссии с предложением напечатать данный выпуск на основании извлеченных им из датских архивов и библиотек, преимущественно из Копенгагенского государственного архива, материалов по истории международных отношений России и Дании с конца XV в. и до становления на престол Петра I. Данный сборник содержит 188 актов, однако для настоящей работы наибольшую значимость представляли документы, отражающие не только международные отношения, но и торгово-экономические связи государств.

Сборник «Акты юридические или собрание форм старинного делопроизводства»[4] также был издан Археографической комиссией, но только в 1838 г. Выпуск содержит два разряда источников: исторические и юридические. Однако, для настоящей работы данный сборник, в первую очередь, ценен публикацией уникального акта, а именно «заповедной крестьян Тавренской волости, о неотправлении работ по воскресным дням».

Издание «Акты, относящиеся до юридического быта Древней России» (Т. 1 и Т. 2)[5], фактически являются продолжением сборника «Акты юридические», дополняясь также третьим томом настоящего издания, который вышел только в 1884 г., ввиду длительной подготовки и обработки собранного материала.

---

[3] Русская историческая библиотека, издаваемая Императорской Археографической комиссией. Т. 16. Русские акты Копенгагенского государственного архива, извлеченные Ю. Н. Щербачёвым. СПб., 1897.

[4] Акты юридические или собрание форм старинного делопроизводства. Изданы Археографической комиссией. СПб., 1838.

[5] Акты, относящиеся до юридического быта Древней России. Изданы Археографической комиссией под редакцией члена комиссии Николая Калачова. Т. 1. СПб., 1857; также: Акты, относящиеся до юридического быта Древней России. Изданы Археографической комиссией под редакцией члена комиссии Николая Калачова. Т. 2. СПб., 1864.

Методологическая база исследования. В работе использованы такие общенаучные методы как: индукция, дедукция, синтезирование, классификация, систематизация. Также в данную группу следует отнести причинно-следственный анализ на основе гипотетической импликации, т.е. при выполнении цели допускается, что основообразующий феномен данной работы является продуцентом, а доказательство, выведенное посредством выполнения микрозадач, выступает в качестве конечного продукта.

К специально-историческим методам, применяемым в данной работе, относятся историко-сравнительный анализ и проблемно-хронологический. Сущность историко-сравнительного анализа относительно данной работы построена на выведении нестрогих аналогий. Применение проблемно-хронологического метода позволяет установить приблизительные временные рамки относительно феномена революции цен.

В группу статистических методов включены: описательный статистический анализ и элементы метода корреляции. Описательный статистический анализ позволяет выявить сущность того или иного историко-статистического факта, а элементы корреляционного метода устанавливают соотношение между сегментами статистических данных, в некоторых случаях, с большей долей достоверности чем качественный анализ.

Применительно к методологическим основаниям данного исследования отметим, что выбранная тематика изначально обладает целым рядом проблем и противоречий, поскольку представленная проблематика скорее отсылает читателя к будущему обнаружению именно объективных пропозиций (то есть обоснование четко заданной причинно-следственной связи предметов познания), к устойчивым временным рамкам, а также к определенным в процессе работы характерным чертам исследуемого феномена согласно сложившимся пропозициональным установкам. Все перечисленные требования, соответствующие тематике работы, объекту и предмету изучения, требуют такого нарратива, который отсылал бы к объективности полученных выводов в результате рассмотрения объекта познания. Однако, достичь решения подобных задач не представляется возможным в связи с

определенного рода детерминированностью научного знания. В этом смысле возможно привести точку зрения Мишеля Фуко о «режиме истины». Согласно Фуко, режим истины регулируется исключительно с помощью различного рода власти, то есть либо истина как категория регулируется самой властью, либо способностью сопротивляться этой власти. Согласно этому взгляду появление и выведение какого-либо рода научного знания является результатом неких субъективных процессов и взаимоотношений. В этом контексте становится крайне актуальным вопрос о возможности объективного научного познания в целом и в исторической дисциплине в частности. В подкрепление данной идеи, представляется важным опереться на схему Ханса Альберта, которую он назвал трилеммой Мюнхгаузена. Суть её в том, что если обоснования требуются для всего, то в них также нуждаются знания, на которых строится сама логика обоснований, располагающихся на следующем уровне выстраивания единой концепции. При таком положении дел, философ приходит к мысли, что подобная ситуация приводит к выбору между тремя альтернативами, а именно: 1) логический круг в дедукции, особенность которого заключается в том, что все обоснования выстраиваются вновь и вновь на основе друг друга (то есть, ситуация при которой первое знание обосновывается из второго, второе из третьего, а третье, к примеру, из первого и т.д.); 2) прерыв процесса обоснования, смысл которого являет собой достижения определенного всеми признанного знания, которому не требуется обоснований; 3) регресс в бесконечность, который связан с нескончаемым процессом обоснования того или иного знания из-за отсутствия достаточности обоснования[6]. В предложенном контексте, поставленном спецификой самой работы, идеи Фуко и Альберта дополняют друг друга. Поэтому имеются все основания согласиться с мнением Ю. П. Зарецкого о том, что «научное знание в значительной мере фундируется на определенных доминирующих или значительных представлениях, а мнение о том, что референтом научного описания

[6] Альберт Х. Трактат о критическом разуме. М., 2003. С. 38.

является что-либо реальное или “универсальное” – иллюзорно»[7]. В связи с этим представляется наиболее важным создать некую тесно связанную цепь вновь возникающих вопросов, поскольку возникновение новых предметов и объектов исследования, которые требуют усиленного внимания, могут привести к необходимости формулировки новых исследовательских подходов или новых коннотаций используемых или исследуемых понятий. Поэтому настоящая работа построена на принципе выявления и постановки какой-либо проблемы, связанной с историописанием конкретной эпохи, и её рассмотрение, посредством изучения существующей литературы, постановки актуальных вопросов и попытка их решения посредством синтеза существующих идей и противоречий, которыми они наполнены. В этом смысле, в данном тексте предлагается анализ различных идей и возможность формулировки новой исследовательской стратегии, которая носит открытый и дискуссионных характер.

Основную историографию исследуемой проблематики возможно разделить на несколько групп по принципу сегментации тематики:

1) Представители такого жанра историописания, как «тотальная история». Принципы данного направления зарождались во французской историографической «школе Анналов» в первой половине XX в. посредством призывов представителей первого поколения школы Марком Блоком и Люсьеном Февром. «Изучение человека и окружающей его природной среды стало одним из аспектов постулировавшейся "Анналами" "глобальной истории"»[8]. В послевоенной историографической традиции победу над ранкеанским видением исторического процесса одержала «новая школа», а именно представители второго поколения французской «школы Анналов». В этом контексте одним из основополагающих исследователей стал Фернан Бродель, который фактически завершил обосновательную логику «тотальной истории» своих предшественников в целом и своего учителя – Люсьена Февра –

[7] Зарецкий Ю. П. Стратегии понимания прошлого: Теория, история, историография. М., 2011. С. 56.
[8] Могильницкий Б.Г. История исторической мысли XX века: Курс лекций. Вып. II: Становление "новой исторической науки". Томск, 2003. С. 58.

в частности. Бродель, основным трудом которого считается трёхтомник «Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв.» (1979) (Том 1 – «Структуры повседневности: возможное и невозможное»; Том 2 – «Игры обмена»; Том 3 – «Время мира»), дополняет мысль основателей «школы» концепцией неоднородности временных модальностей, то есть идеей расслоения исторического времени на исторические промежутки разного характера. Не будем останавливаться подробно на концепции в общем, следует лишь отметить крайне важный теоретический концепт в рамках предложенной идеи, а именно – «la longue duree», который оказался основополагающим для французской «новой исторической школы» и вообще мировой исторической науки. «La longue duree» есть временной исторический промежуток, который является самым долгим в броделевской логике. По мнению исследователя: «Если изучать только то, что вблизи, внимание неизбежно концентрируется на том, что быстро движется, блестит, меняется, производит шум и вообще поражает»[9]. То есть, следует обращать внимание не на вещи и процессы кратковременного характера, а на длительную перспективу, в которой возможны видоизменения глобальных масштабов и где содержатся действительно важные процессы для понимания исторической действительности. При изучении длительных временных промежутков возможна выработка единого языка, который бы был способен стать общим для истории и для всех гуманитарных дисциплин[10]. Важная особенность «la longue duree» заключается в событийной инерционности, то есть Бродель отбрасывает первостепенность исследования различной длины исторических промежутков, для которых значимую роль играла смена способов производства, о чём говорили последователи Карла Маркса; по мнению исследователя, важны скорее «медленные накопления не только и не столько главным образом богатств, а, прежде всего, навыков, технических решений, соответствующих способов мышления, а также

[9] Бродель Ф. История и общественные науки. Историческая длительность // Философия и методология истории. М., 1977. С. 132.
[10] Гуревич А. Я. Исторический синтез и Школа «Анналов». 2-изд. М.-СПб., 2014. С. 143.

совершавшиеся столь же медленно в ходе традиционного роста структурные преобразования в отношениях между человеком и природой, между рынком и капиталом, капиталом и государством и т. д. и т. п.»[11]. Именно перечисленные факторы и являются главными движущими силами длительной временной протяженности, а, соответственно, и всей исторической действительности. И в этом смысле Бродель считал, что не совсем значимыми являются какие-либо краткосрочные события и изменения, если они не влияют в целом на сформированную конъюнктуру существующих отношений различного вида. То есть, если говорить кратко, то следует отметить, что главное достижение первого и второго поколения историографической «школы Анналов», заключается в том, что новая традиция историописания сделала упор не на отдельных исторических событиях как таковых, которые являются незначительными по отношению к «la longue duree», лишь исключениями, которые отвлекают внимание от действительно важных больших амплитуд длительных временных протяженностей, которые складываются в некие циклы и интерциклы.

Также в первую группу исследователей предлагается отнести представителей «школы миросистемного анализа». В данной работе используются труды одного из главных идеологов и самого известного представителя выбранного направления – Иммануила Валлерстайна, а именно первый том одного из главных произведений исследователя «Мир-система Модерна. Капиталистическое сельское хозяйство и истоки европейского мира-экономики в XVI веке» (1974). Кроме того, представляется важным рассмотреть позицию одного из главных представителей данного историографического направления в России – Б. Ю. Кагарлицкого – «Периферийная империя: циклы русской истории» (2008). Валлерстайн, опираясь на теоретический концепт введенный Фернаном Броделем, а именно – «мироэкономика», считает, что для европейского развития до XVI в., и включительно все столетие, были актуальны

[11] Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. Т. 1: Структуры повседневности. М., 1988. С. 27.

три системы генезиса тех или иных структур общественной организации: «мироэкономика», «мироимперия» и сложившаяся «миросистема». Одной из центральных частей обоснователной логики Броделя является понимание того, что «мировая экономика» и «мироэкономика» это совершенно разные понятия. Исследователь, ссылаясь на Симонда де Сисмонди, утверждал, что мировая экономика – это рынок, простирающийся до границ существующего мира. Мировая экономика включает в себя различные социальные, экономические и политические институты, которые образуют тотальный рынок. В свою очередь, мироэкономика – это экономически самостоятельная часть мира, в основном самодостаточная; её элементы, образуя между собой интенсивные или экстенсивные связи, придают мироэкономике определенную органическую монолитность. Мироэкономика включает в себя не только центральные части, задающие вектор развития системы, но также составляющие, которые находятся на более или менее отдаленном расстоянии от центра, но приводятся в движение за счёт тех тенденций, которые стали определяющими для заданной мироэкономики. Главная специфика указанной системы заключается в том, что мироэкономические связи не знают политических и культурных границ. Для того чтобы анализировать мироэкономику важно понимать её пространственные границы, поскольку у этого феномена существуют территориальные пределы, несмотря на тенденции к расширению. Также, специфика мироэкономики предполагает наличие своего центра. Однако, центр может быть не один. Умножение числа центров свидетельствует либо о формировании мироэкономики, либо о её переориентации. Существующие центры находятся в постоянном противоборстве друг с другом, что периодически приводит к рождению или угасанию определенных капиталистических тенденций.

По мнению Иммануила Валлерстайна, помимо мироэкономики, в средневековье существовала и другая система – мироимперия. Мироимперия – это исторически сложившаяся система, располагающаяся на единой территории и основанная на определенных политических принципах. Основные особенности мироимперии: 1) в основе мироимперий в Европе оказывались тенденции

феодализма; 2) мироимпериям было свойственно поглощать складывающиеся мироэкономики, и, наоборот, мироимперии могли преобразовываться в мироэкономики. Именно поэтому мироэкономическая специфика до эпохи раннего Модерна не могла окончательно приобрести черты капиталистической системы, несмотря на то, что существующие до середины XV–начала XVII вв., мироэкономики уже владели капиталистическими структурами и формировали их в процессе собственного развития[12].

Соотношение мироэкономики и мироимперии до раннего нового времени и после позволило судить Валлерстайну о появлении миросистемы. «Миросистема – это такая социальная система, которая имеет те или иные пределы, структуры, участвующие в ней группы, правила легитимации и связность». Миросистема характеризуется динамикой конфликтующих социальных сил. Функционирующие структурные элементы внутри миросистемы могут быть в разное время сильными и слабыми зависимо от динамики социальной конъюнктуры. Существование миросистемы определяется её самодостаточностью, то есть материально-экономическим единством, а также включением различных культур в рамки миросистемы и их дифференциацией[13].

Миросистема, зародившаяся в эпохе раннего Модерна, основывается на совершенно новой социальной конъюнктуре, появление которой было обусловлено различными социальными и культурными процессами, протекающими в XVI–начале XVII вв. Кроме того, указанная миросистема базируется на капиталистической мироэкономике, и это, пожалуй, самая важная идея Валлерстайна, поскольку позже исследователь развивал свою мысль в статье «Структурный кризис, или Почему капиталисты могут считать капитализм невыгодным» (2013). В приведенной статье автор считает, что для капитализма недостаточно наличие в социально-экономической конъюнктуре наемного труда, производства для обмена, классовой борьбы или свободного

[12] Валлерстайн И. Мир-система Модерна. Капиталистическое сельское хозяйство и истоки европейского мира-экономики в XVI веке. Т. 1. М., 2015. С. I–XXXII; 1–13.
[13] Там же. 425–439.

рынка. Для того, чтобы историческая социально-экономическая система могла называться капиталистической, «должно быть настойчивое стремление к бесконечному накоплению капитала – накоплению капитала ради накопления ещё большего капитала»[14]. Именно благодаря тому, что новая мироимперская тенденция не поглотила мироэкономику в раннее новое время, поскольку в среде социально-экономических элит сформировалось это стремление к бесконечному накоплению капитала ради накопления ещё большего капитала, можно рассуждать об окончательном оформлении капитализма как феномена, а также о появлении миросистемы, которая не могла бы развиваться автономно при принципе тотального контроля.

Главный труд Б. Ю. Кагарлицкого, который актуален применительно к настоящей тематике исследования – «Периферийная империя: циклы русской истории» (2008). Однако, при этом следует отметить, что автор специализуется не совсем на истории Московского государства или мировой истории XVI в. Кагарлицкий, полностью используя методологическую и теоретическую базу Валлерстайна, приходит к обратному выводу относительно своего идейного предшественника. Если Валлерстайн считает, что ни о каком включении России в миросистему до начала правления Петра I не может быть и речи, то Кагарлицкий, напротив, выдвигает гипотезу о том, что в результате тотального разделения труда в XVI в. Россия оказалась на периферии миросистемы и вынуждена была осуществлять роль исключительно сырьевого поставщика.

2) Теоретическая и практическая литература о революции цен в Европе. Безусловно, невероятный по размеру и продолжительности инфляционный феномен не мог быть не замеченным современниками. Во Франции во второй половине XVI в. произошел спор между Жаном Боденом и Жаном Шеррюи де Мальтруа. Предшественником данной дискуссии стала рукопись Жака Кола в 1566 году, в которой причину повышения цен автор видел в негативном влиянии иностранной монеты, а точнее в её повысившейся роли как средства обмена во

[14] Валлерстайн И. Структурный кризис, или Почему капиталисты могут считать капитализм невыгодным // Есть ли будущее у капитализма? М., 2017. С. 25.

Франции. В этом же году, но немного позже, появилось произведение Мальтруа, в котором были изложены парадоксы относительно повышения цен. Он считал, что цены за триста лет нисколько не изменились, поскольку цены выросли бы при условии того, что нужно было платить за них больше золота и серебра, в противном случае рост цен не может быть зафиксирован. Также Мальтруа указывал на негативную роль порчи монеты, поскольку она вела к обнищанию крестьянского населения. Боден, не согласившийся с современником, опроверг мнение оппонента о главенствующей роли порчи монеты и выдвинул гипотезу о том, что главной причиной небывалого повышения цен стало перенасыщение Франции испанским серебром[15]. В Англии Джон Смит в 1549 году пришел к такому же выводу, как и Мальтруа, а в Испании в Саламанкской школе в 1556 году написал трактат Мартин де Аспиликуэта, который полностью был идентичен по аргументации произведению Бодена.

Тем не менее, для данной работы наиболее важной представляется аргументация историков и историков-экономистов в XX и XXI вв. Главным исследователем и идеологом в вопросе о «Революции цен» является Эрл Джеферсон Гамильтон и его фундаментальный труд «Американское сокровище и революция цен в Испании» (1934). Гамильтон выделял ряд ключевых причин небывалой инфляционной волны, одной из которых является открытие Нового света и приток оттуда драгоценных металлов. Также автор пытается разобраться в последствиях и самом процессе «Революции цен», выделяя такую экономическую категорию, как «инфляция прибыли» («Profit Inflation»)[16]. Однако, тезисы Гамильтона стали предметом неоднократной критики как относительно причин революции цен, так и тезиса об «инфляции прибыли». Тем не менее, относительно мнения об «инфляции прибыли», Гамильтона поддержал один из главных экономистов XX века – Джон Мейнард Кейнс, который применил данный феномен к объяснению времени «Великой депрессии».

[15] Более подробно об аргументации Мальтруа и Бодена: Макарова Н. И. Французские теоретики денег о революции цен // Идеи и идеалы. Новосибирск, 2016. С. 61–69.
[16] Earl J. Hamilton. American Treasure and the Price Revolution in Spain, 1501–1650. Cambridge – Massachusetts, 1934.

Критика Гамильтона, главным образом, была выражена относительно двух тезисов: применяемое Гамильтоном уравнение обмена и слишком серьёзное внимание к фактору притока испано-американского серебра в Европу, как к главной причине революции цен. На протяжении большей части XX века тезисы Гамильтона были предметом острой критики (например – Джон Неф, Дэвид Феликс, Ингрид Хаммастрём и другие исследователи). Современный американский специалист Джон Монро более основательно подошел к пересмотру концепции Гамильтона, отвергая основной постулат количественной теории денег и пересматривая роль влияния усиленного притока драгоценных металлов[17].

3) Последняя историографическая группа исследований посвящена генезису внутренних и внешних конъюнктурных факторов, которые были актуальны для развития Московского государства в XVI в. Однако, выделяемая группа слишком обширна, чтобы обобщать её по единому методологическому, теоретическому или практическому принципу. Поэтому предлагается классифицировать выделенную группу по следующим характеристикам: базовая историография внешних факторов развития Московского государства, историческая литература по вопросам внутреннего развития экономической конъюнктуры Московии, а также произведения, посвященные вопросу законодательного оформления крепостного права в России.

Относительно первой предложенной группы следует выделить несколько основных работ. Исследовательская деятельность Т. С. Уиллана и его основные работы: статья «Trade between England and Russia in the Second Half of the Sixteenth Century» (1948), а также монография «The early History of the Russia Company. 1555–1603» (1956). Уиллан является одним из главных представителей англоязычной исторической литературы в области изучения внешнеэкономических торговых связей Московского государства в XVI в.

[17] Munro, John H. Money, prices, wages, and “Profit Inflation” in Spain, the Southern Netherlands, and England during the Price Revolution era, ca. 1520 – ca. 1650. // História e Economia: Revista Interdisciplinar. Vol. 4, No. 1. 2008. pp. 13–71.

Следует отметить исследовательские изыскания А. Л. Хорошкевич по поводу основных специфических особенностей развития торгово-экономических связей Новгородской республики и её труд «Торговля Великого Новгорода с Прибалтикой и Западной Европой» (1963). Данные, которые предлагает Хорошкевич, имеет смысл реализовать в контексте идеи базового продукта экспорта, поскольку исследователь активно занималась изучением торгового потока меха белки в контексте своей работы.

Во вторую выделенную подгруппу следует, в первую очередь, отнести труды исследователей внутренней экономической конъюнктуры Московского государства в XVI в., а также чрезвычайно значимой экономической категории, а именно тенденций ценовых сдвигов. Однако, важно понимать, что в настоящей работе осуществляется разбор исключительно хлебных цен, поскольку зерно рассматривается как один из возможных вариантов на претензию стать базовым продуктом экспорта Московского государства. И в предложенной группе видится неоспоримым значение труда В. О. Ключевского «Русский рубль XVI–XVIII вв. в его отношении к нынешнему (Опыт определения меновой стоимости старинного рубля по хлебным ценам)» (1884), поскольку работа Ключевского является первой попыткой ретроспективного рассмотрения ценовых сдвигов в Московском государстве. Тем не менее, выводы исследователя последующей историографией подвергаются огромному сомнению, поскольку методологические принципы Ключевского строятся исключительно на способе сравнения цен в Московии с ценами актуальными для самого исследователя, то есть во второй половине XIX века. На сегодняшний день единственной качественной попыткой рассмотрения динамики цен предложенного периода является работа А. Г. Манькова «Цены и их движение в Русском государстве XVI века» (1951), поскольку труд выполнен при рассмотрении огромного количества источникового материала различного характера по части базовых торгово-экономических зон Московского государства в XVI в., а именно: Москва, Беломорское побережье, Вологда и Волоколамск. На сегодняшний день, спустя более половины столетия, ни в русскоязычной, ни в англоязычной

историографии не существует исследовательской работы, которая позволила бы утверждать об ошибочности изысканий и выводов Манькова.

Третьей выделенной подгруппой является узкоспециальная историографическая традиция, предметом исследования которой стало законодательное оформление крепостного права в России. Следует оговориться о том, что в работе не рассматриваются труды дореволюционной отечественной историографии по выделенному вопросу, поскольку часть выводов исследователей той эпохи, на сегодняшний день, крайне неактуальна ввиду целого ряда архивных находок советских историков-источниковедов. В связи с этим, следует отметить несколько основных работ в рамках данной историографической подгруппы. В первую очередь речь идёт об историографической дискуссии 50–80-х годов XX в., основными фигурами которой были В. И. Корецкий с трудами «Из истории закрепощения крестьян в России в конце XVI – начале XVII вв.» (1957) и «Закрепощение крестьян и классовая борьба в Россия во второй половине XVI в.» (1970), а также работы Р. Г. Скрынникова: «Борис Годунов» (1979), «Россия накануне “смутного времени”» (1985). Однако, основополагающим в отношении предложенного сегмента тематики является монография «Власть и «земля»: Правительственная политика в отношении тяглых сословий в России второй половины XVI – начала XVII века» (2014) представителя современной отечественной историографии В. А. Аракчеева, который предлагает совершенно иной взгляд на проблему закрепощения крестьян в XV–XVII в., отличающийся от традиционного взгляда советской исторической литературы, который базировался на определенных классических представлениях.

Также в предложенную историографическую группу представляется важным отнести М. Н. Покровского, а точнее его концепцию «торгового капитализма», основные труды которого «Очерки по истории революционного движения в России XIX и XX вв.» (1924) и «Русская история с древнейших времен. В двух частях» (1896–1899). Взгляды Покровского и его последователей после смерти исследователя подверглись репрессиям по идеологическим

причинам. Частичная реабилитация взглядов исследователя начала производиться с периода «оттепели». Примерами могут являться диссертации в период 1950–70-х гг., посвященных изучению наследия Покровского, в частности: Соколов О. Д. «Исторические взгляды М. Н. Покровского и его место в советской историографии» (1969). Труд Соколова сыграл значительную роль в издании четырех томов избранных произведений Покровского. Когонашвили К. К. «Педагогическая деятельность и методические взгляды М. Н. Покровского» (1968) и другие работы. Л. В. Черепнин отмечал, что «имя Покровского, его деятельность и его труды составляют большую главу в истории советской исторической науки. В развитии советской историографии, в росте исторических кадров, в их марксистско–ленинской методологической вооруженности Покровский сыграл выдающуюся роль»[18]. В 1976 г. А. А. Говорков даёт следующее заключение наследию исследователя: «Покровский современен… У него можно найти убедительные аргументы, направленные и против современных буржуазных и мелкобуржуазных историков и социологов, с идеалистических позиций, трактующих предмет истории и его отдельные объекты»[19]. В этом контексте в позднесоветскую эпоху происходит идеологическая реабилитация Покровского как настоящего марксиста, но что более важно, его труды начинают приобретать пусть даже частичную значимость в исследовательской среде. Однако приведенные в пример труды рассматривают в целом философию истории Покровского. Тем не менее для настоящей работы гораздо большую значимость представляет его концепция «торгового капитализма». Данного теоретическое построение крайне слабо изучено в исторического науке. Значимым автором, специализирующемся на концепции «торгового капитализма» М. Н. Покровского является ученик А. А. Говоркова –

[18] Черепнин Л. В. М. Н. Покровский и его роль в развитии советской исторической науки. [Электронный ресурс] // Очерки исторической науки в СССР. 1966. // Покровский Михаил Николаевич. Историк, революционер, общественный деятель. Электрон. дан. [Б. м.]. URL: http://pokrovsky.newgod.su/research/pokrovskij-i-ego-rol-v-razvitii-sovetskoj-istoricheskoj-nauki/ (дата обращения: 25.03.2018).

[19] Говорков А. А. М. Н. Покровский о предмете исторической науки. Томск, 1976. С. 256.

О. П. Володьков, который защитил кандидатскую диссертацию на тему – «Проблемы торгового капитализма в работах М. Н. Покровского конца 1890-х–1917 гг.»[20] (2002), а также выпустил монографию – «Концепция торгового капитализма М. Н. Покровского в советской исторической науке (1918–1932 гг.)»[21] (2011). Володьков первым в отечественной историографии представил развернутую картину генезиса идей Покровского в рамках концепции «торгового капитализма» в историографическом контексте, то есть с анализом опорных идей и источникового материала Покровского, а также с рассмотрением историографической ситуации в России на рубеже двух различных эпох. Подробнее о концепции «торгового капитализма» речь пойдёт во второй главе.

Структура работы. В первой главе анализируется социально-экономическая конъюнктура западноевропейского региона и её трансформации, связанные с внешними и внутренними факторами. В первом параграфе рассматривается развитие европейских общественных отношений накануне революции цен, под влиянием внутренних катаклизмов, которые охватили большую часть европейского континента. Во втором параграфе разбирается структура самого феномена революции цен в Европе, его основные особенности относительно стабильного состояния экономической конъюнктуры европейского региона, а также основные факторы, повлиявшие на образование самого инфляционного явления и дальнейшие катализаторы, усиливавшие ценовую динамику. Третий параграф является обобщающим, относительно двух предыдущих, а также в данном пункте ставятся некоторые вопросы относительно основных характеристик революции цен, в частности, проблема глобальности распространения феномена при перманентной эскалации капитализма.

[20] Володьков О. П. Проблемы торгового капитализма в работах М. Н. Покровского конца 1890-х–1917 гг.: диссертация кандидата исторических наук: 07.00.09. Омск, 2002.
[21] Володьков О. П. Концепция торгового капитализма М. Н. Покровского в советской исторической науке (1918–1932 гг.). Омск, 2011.

Вторая глава связана с рассмотрением экономической конъюнктуры Московского государства в конце XV–XVI вв. Первый параграф посвящен взглядам представителей историографической традиции «тотальная история», а именно позиции Ф. Броделя, И. Валлерстайна и Б. Ю. Кагарлицкого. Данный пункт важен для подведения общих исследовательских итогов в работе, которые связаны непосредственно с выводами автора. Второй параграф разделен на несколько подпунктов, поскольку представляется невозможным рассмотреть поставленные вопросы в контексте одной подглавы, имеются ввиду вопросы, связанные с: 1) внешними факторами, которые могли бы повлиять на развитие экономики Московского государства; 2) внутренней ценовой динамикой и её соотношение с западноевропейскими сдвигами. Третий параграф посвящен рассмотрению основных категорий по вопросу юридического оформления крепостного права, который условно можно разделить на следующие тематические блоки: 1) рассмотрение сущности юридической нормы крестьянского отказа по Судебниками 1497 и 1550 гг.; 2) выявления смысла феномена заповедных лет; 3) возможность существования единого указа 1592 г.; 4) введение и действие урочных лет. Четвертый параграф второй главы предназначался для определенного обобщения, в рамках которого предполагается подведение итогов по тематическому блоку процесса закрепощения, а также анализ некоторых слабо описанных в историографии социальных практик. Последний пункт является обзором на существовавшую позицию общественных категорий, которые в рамках настоящей главы упоминались лишь косвенно, а именно: монастыри и торговые элиты, которые представлены в контексте генезиса торгового капитала.

ГЛАВА 1. ЕВРОПА В КОНТЕКСТЕ ЭСКАЛАЦИИ КАПИТАЛИЗМА

1.1. Европа накануне революции цен

Период европейской истории с момента окончания пандемии чумы в середине XIV до середины XV века можно охарактеризовать как стагнационную фазу исторического развития региона. «Чёрная смерть» уничтожила около трети населения Западной Европы. Ситуация также осложнялась последствиями «Великого голода» (1315–1317), который унес по различным данным около одной четвертой части европейского населения. По мнению французского историка, представителя третьего поколения школы «Анналов», Жака Ле Гоффа, чума превратила обычный спад в демографическую катастрофу, которая повлекла за собой кризис рабочего потенциала населения, предопределивший ход исторического процесса на ближайшую сотню лет[22]. В связи с этим, можно утверждать, что развитие экономической сферы жизни общества частично приостановилось. В частности, с середины XIV стагнировалось развитие феномена так называемой «коммерческой революции», который был описан историком-экономистом в области средневековой экономики – Авнером Грейфом[23], поскольку социальная структура не позволяла в ускоренном темпе развивать капиталистические отношения.

Однако, экономика Европы медленно регенерировалась с периода 70-х гг. XIV в. Об этом свидетельствуют два показателя. Во-первых, заработная плата в производственных сферах имела тенденцию к росту. Основанием этому служат данные, приведенные Дугласом Нуупом и Гийомом Передуа относительно индекса заработных плат английских каменщиков. Указанный показатель увеличился с 94 (1350-е гг.) до 122 (1380-90-е гг.)[24]. Жак Ле Гофф считал, что

[22] Жак Ле Гофф. Цивилизация средневекового Запада / Пер. с фр. под общ. ред. В. А. Бабинцева; Послесл. А. Я. Гуревича. Екатеринбург, 2005. С. 294–298.
[23] Greif A. Institutions and the Path to the Modern Economy: Lessons from Medieval Trade. Cambridge, 2006. P. 3–7.
[24] Knoop D. J., Peredur G. The mediaeval mason: an economic history of English stone building in the later middle ages and early modern times. Manchester. 1933.

данное явление носит общеевропейский характер, приводя статистические данные по Восточной Нормандии, где зарплата рабочего в период с 1320-х гг. по 1450-е в среднем увеличилась в 2-3 раза[25]. Во-вторых, при том, что цены на продукты производственного характера оставались практически неизменными, естественным следствием глобального демографического кризиса стало понижение цен на товары первой необходимости (См. Таб. №1).

Таблица № 1[26]. (Изменение производственного индекса, приведенное Филиппом Контамином относительно Камбрези).

Год/товар	Овес	Пшеница
1320	160	140
1370	100	100
1450	70	80
1520	90	100

С середины XV века все социально-экономические структуры жизни западноевропейского мира начали реконструироваться. Последствия демографической катастрофы уже не оказывали столь глобального влияния на общественную жизнь. Формировалось более глубокое восстановление и развитие предыдущей стадии рыночных форм – «частных рынков»[27], на которых действовали исключительно профессиональные торговцы, не производившие ничего собственноручно. Действительно, попытки реставрации рыночной системы существовали и прежде, но массовый характер приобрели именно к середине XV века. Ещё одной возможной причиной данного явления стало формирование колониальной деятельности стран Пиренейского полуострова и, соответственно, переход основных привилегий на торговлю с Востоком от

[25] Жак Ле Гофф. Средневековье и деньги: очерк исторической антропологии. СПб., 2010. С. 156–157.
[26] Contamine P., Bompaire M., Lebeeq S., Sarrazin J-L. L'economie medievale. 3eme edition. Paris, 2003.
[27] Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. Т. 2: Игры обмена. М., 1988. С. 13–26.

Венеции и Генуи[28]. Эпоха господства этих двух городов Апеннинского полуострова, началом которой можно считать спор за остров Корчула (1298), а после за Кьоджу (1379–80), ещё в середине XV века начала заканчиваться, когда Османской империей была захвачена столица Византии (1453). Однако, в 1454 году Венеция сумела договориться о торгово-экономической взаимопомощи с османами, поскольку это было необходимо и дожу, и султану. Это был тот самый случай «взаимодополняющих друг друга врагов»[29]. К хронологическому концу XV в. Венеция стремительно теряла свои позиции центра мироэкономики, что было обусловлено не слабостью крупного торгового итальянского города, а конъюнктурными изменениями, которые изменили социально-экономический облик Европы.

Именно в это время борьбу за центральное положение в европейской мироэкономике развернули страны, исторически объединенные стремлением к освобождению своих земель от мусульман. Однако, ситуация на юге от Пиренеев к середине XV в. категорически отличалась. Если португальцы смогли отвоевать свои земли ещё в XIII в. (1253), то испанцам ещё предстояло это сделать спустя два с половиной столетия (1492). Соответственно, португальцы имели на один свободный внешнеполитический фронт больше. Именно поэтому ещё в первой трети XV века Лиссабоном проводилась завоевательная деятельность на севере Африки. Первым крупным успехом кампании было завоевание Сеуты под командованием Генриха (Энрике) Мореплавателя. Последующие успехи Португалии в области освоения и присоединения земель последовали в скором времени: Мадейра (1420), Азорские острова (1427, 1430) и другие территории вплоть до открытия Васко да Гама прямого пути в Индию (экспедиция 1495–

[28] Стоит отметить, что вопрос о датировке «Великих географических открытий» до сих пор остаётся открытым. Часть исследователей выделяют в качестве начального этапа – экспедиции Генриха Мореплавателя, а в частности, битву при Сеуте (1415 г.), другие считают начальной точкой середину XV века (открытие для Европы островов на Западе от Африки), классическая же теория считает временем отсчета – открытие Нового Света Христофором Колумбом в 1492 году.

[29] Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. Т. 3. Время мира. М., 2007. С. 125–127.

97)[30]. Все эти благоприятные операции производили существенное влияние на экономическую конъюнктуру Европы в целом и для отдельно взятой страны в частности. Португалия в скором времени приобрела роль главного поставщика для Западной Европы дешевой пшеницы, тростникового сахара. Благодаря ей был увеличен приток малагеттов, золотого песка, слоновой кости. Именно Португалия, входя в последнее десятилетие XV в., была фаворитом относительно других европейских стран. Однако, центром европейской мироэкономики становится не Португалия. Причиной этому послужил курс, избранный Жуаном II Совершенным, который был предложен Бартоломеу Диашем, а не Христофором Колумбом. Именно это событие позволило Фердинанду и Изабелле воспользоваться предоставленным шансом, который в скором времени позволил Испанскому королевству выйти вперед в споре с Португалией.

Итак, к концу XV века складывается благоприятная ситуация для развития инфляционных процессов в европейских государствах. Причинами этому послужили два важнейших фактора. Во-первых, окончательный выход из кризиса, который был создан демографической катастрофой середины XIV века. Во-вторых, завоевание новых земель королевствами Португалии и Испании, которые привели к переориентации центра мироэкономики.

1.2. Феномен непрерывной инфляции

«Я скептически отношусь... к пониманию XVI века как некоего единства без уточнения, один это век или несколько. Я представляю “наш” век разделенным на два, как это делали Люсьен Февр и мой замечательный учитель Анри Озер: “первый” XVI век начинается около 1450 года и заканчивается примерно к 1550 году, когда начинается “второй” XVI век, который длится до

[30] Подробнее см.: Bailey W. Diffie, George D. Winius. Foundations of the Portuguese Empire, 1415–1580. Minnesota, 1977; Тарле Е. В. Очерки истории колониальной политики западноевропейских государств (конец XV – начало XIX в.). М.-Л., 1963.

1620 или 1640 года»[31]. Для данной работы подобного рода дихотомия представляет интерес относительно более серьёзного влияния на европейскую инфляцию «американского сокровища», приток которого в середине века ещё более усилился.

Фернан Бродель делил «долгий» XVI век по принципу формирования новой мироэкономики. Образование этой системы включало в себя принцип эскалации капитализма. Поэтому важно понять пространство, которое входит в общую миросистему. Мироэкономическое пространство не всегда совпадает с географией местности. В данном случае, к концу XV – началу XVI вв. система включала в себя территории стран Северо-Западной Европы, Средиземноморского побережья, Центральной Европы и Восточной Европы. В процессе колонизационных действий мироэкономику пополнили Новая Испания, Антильские острова и другие территории, подвластные испанскому и португальскому правительствам[32].

На данный момент исследования крайне сложно встроить в герметичную и устоявшуюся концепцию миросистемного анализа Московское государство. Тем не менее, Пьер Шоню указывает, что к моменту начала распространения и усиления революции цен в миросистеме существовало соотношение между тремя различными сегментами: христианское Средиземноморье, Северо-Западная и Восточная Европа. Ценовая пропорция в начале XV века выглядела – 100-77-16, а к концу XVI – 100-76-25[33].

Циклическая модель варьирования цен относительно периода с 1450 по 1550 года носит неоднозначный характер. Однако, данную модель в общих чертах можно представить относительно хлебных цен в следующем виде:

---

[31] Цитата приведена из книги Валлерстайн И. Мир-система Модерна. Капиталистическое сельское хозяйство и истоки европейского мира-экономики в XVI веке. Т. 1. М., 2015. Первоисточник: Braudel, Fernand. Quest-ce que le XVIe siècle? // Annales E.S.C., VIII, 1. 1953. P. 73.

[32] Там же. С. 78–79.

[33] Chaunu Pierre. European expansion in the later Middle Ages. Amsterdam. 1979. P. 67–93.

Таблица №2[34].

Год	Характер
ок. 1160 – ок. 1260	быстрый рост цен
ок. 1260 – ок. 1320	высокие цены, с элементами стагнации в некоторых регионах
ок. 1320 — 1470-е – 1480-е	последовательное падение;
ок. 1480 – ок. 1640	высокие цены
ок. 1640 – сер. XVIII в.	Рецессия

Для того чтобы понять сущность феномена революции цен, следует охарактеризовать два основообразующих момента: точка отсчёта действия данного явления и несколько общих упоминаний о параметрах относительно продолжительности действия; а также важно понять, какой характер носила революция цен: локальный или общеевропейский.

Американский исследователь Андреа Финкельштейн хронологическим началом революции цен называет 1470–80-е годы, ввиду причины повышения цен именно с этого периода европейской истории (см. Таб. № 2). Для лучшего понимания самого феномена она приводит гипотетический пример: «В Англии, к примеру, женщина, родившаяся в 1500 году, которая вышла замуж в 1525 году, услышала бы как ее мать жалуется на удвоенные цены на продукты питания во время закупки товаров для ее свадебного пира, а затем те же самые жалобы перешли на период, когда замуж выходит уже её дочь в 1550. Все думали, что цены росли после плохих урожаев и падали после хороших, но это были временные колебания и инфляция была неумолима… Внуки и правнуки нашей англичанки, в конце концов, не имеют понятия о статической экономике»[35]. Достаточно показательный пример, если учесть, что цены росли практически непрерывно и на все виды товаров.

[34] Косминский Е. А. Проблемы английского феодализма и историографии средних веков. М., 1963. С. 234–247; Slicher van Bath, B. H. The Agrarian History of Western Europe, A.D. 500–1850. New York, 1963. P. 324–331; Slicher van Bath, B. H. The Rise of Intensive Husbandry in the Low Countries // Britain and the Netherlands. London, 1960, 1, P. 130–153.

[35] Finkelstein A. The grammar of profit: the Price Revolution in intellectual context. Leiden-Boston, 2006. P. 3–7.

Однако, вопрос датировки на этом не закрывается, исследователи на сегодняшний день придерживаются разных позиций: одни поддерживают Финкельштейн, другие выделяют хронологическое начало XVI века, часть исследователей выдвигают предположение о начале революции цен в период 1510–20-х годов, а некоторые учёные вовсе склоны предполагать, что данный феномен развернулся широко только с 80-х годов XVI века. Позиция исследователей, которые развивают последний тезис, является слишком сомнительной и основывается только на том, что с 80-х годов XVI века начался максимальный ввоз в Европу серебра и золота из Нового Света[36]. Безусловно, точку зрения Р. Данна можно опровергнуть одним лишь аргументом, что динамика цен приобрела небывалые масштабы задолго до указанной хронологической точки.

Одним из первых теоретиков революции цен стал американский историк-экономист Эрл Джефферсон Гамильтон. В своём фундаментальном труде «Американское сокровище и революция цен в Испании» исследователь попытался изложить основные тенденции и причины революции цен в Европе[37]. Работа помимо описания специфики феномена, также содержит анализ инфляции прибыли (Profit Inflation)[38]. Относительно самой революции цен Гамильтон вывел тезис о важном влиянии притока драгоценных металлов на континент. Тем не менее, как правильно отмечают критики его теории, приток испано-американского серебра не мог стать первоначальной причиной этого долгого и устойчивого процесса инфляции, так как она началась не только в

[36] См.: Данн Ричард С. Эпоха религиозных войн. 1559–1689. М., 2011. С. 144–151.
[37] Earl J. Hamilton. American Treasure and the Price Revolution in Spain, 1501–1650. Cambridge, Massachusetts, 1934.
[38] Аргументация Гамильтона относительно данного тезиса вызвала бурные дискуссии. Часть исследователей поддерживали Гамильтона и развивали это предположение (например – Кейнс применил подобную модель к анализу «Великой депрессии»). Критики данной концепции оспаривали существование инфляционной прибыли в XVI–XVII вв. См.: Keynes John Maynard, The General Theory of Employment, Interest and Money. London, 1936; Nef J. U. Prices and Industrial Capitalism in France and England // The Conquest of the Material World. Chicago-Illinois, 1964. p. 240–267; Felix, David. Profit Inflation and Industrial Growth: The Historic Record and Contemporary Analogies // Quarterly Journal of Economies, Vol. LXX, Issue 3. London, 1956. P. 441–463.

самой Испании, а также задолго до сверхзначительного завоза серебра, то есть, в более позднее время (в 1550-х годах). Однако, многие исследователи, которые не согласны с позицией Гамильтона, не совсем точно приписывают фундаментальные причины революции цен в Европе социально-демографическим факторам, поскольку данный принцип не описывает полной картины экономической составляющей экономической конъюнктуры континента в XVI веке.

Однако, помимо притока золота и серебра, Гамильтон опирается и на другие денежные факторы. Таким образом, исследователь выделял ещё две основополагающих причины:

1) Южно-немецкий бум добычи серебра и меди (1460–1535), который достиг своего пика в 1530-х;

2) структурные изменения в средиземноморской торговле в связи с османскими завоеваниями[39].

В данном исследовании к предложенным основным причинам революции цен предлагается приравнять фактор демографического прироста и трансформации структуры социальных взаимоотношений в Западной Европе в XVI веке, которая подразумевала стремление к организации относительно свободного труда. Однако, основанием для этого не может стать, предлагаемое в качестве объяснения Гамильтоном уравнение обмена – MV=PY (или уравнение наличного равновесия – M=kPY)[40]. Поскольку прирост населения, вместе со многими другими «действующими» факторами, имел влияние на реальную переменную Y (объем товаров и услуг) и, таким образом, на способности или

[39] Earl J. Hamilton. American Treasure…

[40] Доходное скоростное уравнение (уравнение обмена) MV=PY – является одним из основных постулатов количественной теории денег. Первым исследователем, оформившим уравнение в привычный вид, стал Ирвинг Фишер – в первой половине XX века. P – цены, Y – количество товаров и услуг, M – количество денег, V – скорость их обращения. Как предполагал Фишер, и его поддерживал Гамильтон, что показатели V и Y – постоянны и не подлежат изменениям. Данное уравнение, как и в целом количественная теория денег, неоднократно становились предметом серьёзной критики, поскольку уравнение обмена несколько упрощает действительные взаимосвязи, а, следовательно, оно не годится в условиях высокой инфляции и при изменении скорости денежного обращения.

возможности экономики расшириться в ответ на повышение превращенного в деньги совокупного спроса. Джек Голдстоун и Питер Линдерт спорили о демографически-индуцированных структурных изменениях, а точнее об их влиянии на процессы урбанизации, структуры рынка и платежные системы. Констатируя тот факт, что демографический прирост являлся основополагающим для развития мироэкономики в городских условиях, соответственно, можно предположить, что увеличивался показатель V – скорость обращения денег[41]. Именно поэтому демографический прирост не является основополагающей причиной, которая вызвала непрерывную инфляцию в Европе. Однако, предлагается учитывать этот фактор как определенную предпосылку для революции цен. Именно рост населения сыграл свою роль косвенного катализатора к революции цен, поскольку данный процесс стал во многом определяющим для урбанизации городов в Европе на рубеже XV–XVI вв., следовательно, можно судить о модификации капиталистических отношений в складывающейся миросистеме. Однако, данная реорганизация имела дихотомическую составляющую, поскольку воздействие оказывалось только на микроуровне. Тем не менее, это влияние во многом ускорило инфляционную волну, вскоре охватившую всю миросистему.

Также Гамильтон утверждал, что рост заработных плат не был пропорционален росту цен, так называемый зарплатный лаг или инфляция прибыли («Profit Inflation»). Следовательно, данный разрыв, который был обеспечен со временем, способствовал в качестве главного источника первоначального накопления капитала[42]. Данный тезис также стал предметом для критики, поскольку зарплатный лаг мог покрываться не зафиксированным заработком, а натуральным. Помимо этого, не всегда ясна пропорциональность стоимости первичного и вторичного продукта. По данным, которые были приведены Фелпсом-Брауном и Шейлой Хопкинс, действительно можно

[41] Goldstone, Jack A. Monetary Versus Velocity Interpretations of the Price Revolution. // Journal of Economic History. Volume 51, Issue 1. Cambridge, 1991. p. 176–181.
[42] Hamilton, Earl J. American Treasure and the Rise of Capitalism // Economica Volume IX. №27. London, 1929 p. 338–357.

утверждать, что цены на готовые продукты питания росли в меньшей степени, чем на первичный товар (например – зерно, древесина и др.)[43]. Данный факт позволяет судить о том, что усовершенствование технологий позволяло снижать издержки подобного рода производств.

Однако, подобного рода проблему частично позволили разрешить данные, предложенные Слихером ван Батом:

Таблица № 3[44].

Период	Реальная заработная плата рабочего в килограммах пшеницы.
1251–1300	81,0
1300–1350	94.6
1351–1400	121,8
1401–1450	155,1
1451–1500	143,5
1501–1550	122,4
1551–1600	83,0
1601–1650	48,3
1651–1700	74.1
1701–1750	94.6
1751–1800	79.6
1801–1850	94

Приведенные данные позволяют убедиться в верности тезиса Гамильтона. Однако, таблица отражает информацию только относительно Южной Англии, поэтому приведенные данные не могут являться полноценным доказательством общеевропейского несоответствия.

[43] Phelps-Brown E.H., Hopkins Sheila V. Wage-Rates and Prices: Evidence for Population Pressure in the Sixteenth Century // Economica, XXIV, No. 96. London, 1957. p. 289–306.
[44] Slicher van Bath, B. H. The Agrarian History of Western Europe, A.D. 500–1850. New York, 1963. – p. 327.

Также не совсем ясной при таком подходе становится причинно-следственная связь, то есть неизвестно что же стало первопричиной зарплатного лага: революция цен или же складывание новой мироэкономики с середины XVI в. Тем не менее, становится понятным следующее – самое высокое значение (155,1 для периода 1401–1450) совпадает с границей старой мироэкономики и новой, а самое меньшее (48,3 для периода 1601–1650) совпадает с окончанием революции цен. Данная корреляция позволяет судить о верности суждения о «долгом» XVI веке, а, соответственно, о складывании новой мироэкономики и её переориентации в конце заданного периода.

1.3. Характер революции цен

В этом разделе представляется важным ответить на второй основополагающий вопрос для понимания сущности феномена революции цен, заданный в предыдущем параграфе, а именно – «Какой характер носила революция цен: локальный или общеевропейский?». От понимания сопоставления экономической и географической специфики изучаемого феномена зависит обоснование монолитности Европы в «долгом» XVI в.

В предложенном контексте крайне актуально исследование Дж. Монро. Исследователь для анализа выбрал три различных по своему характеру региона: 1) Испания, развернувшая свою деятельность в экспансионной области; 2) передовой в своё время в области технологии производства Брабант; 3) преимущественно аграрная к началу XVI в. Англия, в которой усиленно начала развиваться политика «огораживания»[45], приводившая страну на путь первоначального накопления капитала и к производственному развитию в

[45] Ещё в 1516 году Томас Мор в своём самом знаменитом труде: «Золотая книжечка, столь же полезная, сколь и забавная о наилучшем устройстве государства и о новом острове Утопия» или просто «Утопия» сетовал на массовость указанного явления. Отрицательные последствия, которые усматривал в этом известный гуманист, заключались в потере копигольдерами земельных владений для ведения своего хозяйства.

текстильной области; но данная политика приводилась в максимальное действие в первые годы правление Елизаветы II.

Для анализа структурных изменений относительно каждого отдельно взятого региона выбран показатель индекса потребительских цен[46] в каждой стране, а именно его колебания в период безостановочного роста инфляции.

Периодом, выбранным за основу, является первое десятилетие XVI века, поскольку именно этот временной промежуток Эрл Джефферсон Гамильтон охарактеризовал как начальную стадию революции цен. Соответственно, годы с 1501 по 1510 наделены условным индексом 100 для удобства рассмотрения отклонений от графического начала.

Согласно сводной таблице (таблица № 1 представлена в Приложении № 1) четко прослеживается устойчивая и непрерывная инфляция для всех трёх регионов на протяжении практически всего периода революции цен. Следовательно, исследуемый феномен с точностью можно назвать общеевропейским, а не локальным для отдельно взятого региона. Именно этот фактор позволяет заключить, что данное беспрецедентное в истории явление формировалось совместно и одновременно с новой мироэкономикой, отчасти формируя её и испытывая влияние со стороны складывающихся или уже устойчивых элементов миросистемы.

Однако, это не вся концептуально важная информация, которую можно извлечь из данного статистического графика. Отраженные сведения показывают, помимо общих элементов структуры, также и региональные различия, проявившиеся за период инфляционного явления. Во время революции цен с 1501–10 до 1646–50, индекс потребительских цен повысился больше всего в Брабанте: от 104.43 до 845.07 в 8.09 увеличений сгиба. Англия занимает серединное положение: в 6.88 увеличений сгиба (от 101.43 до 697.54). Таким образом, удивительно, что Испания испытала наименее серьёзное повышение

[46] Индекс потребительских цен (Consumer Price Index, CPI) – это средний показатель инфляционного процесса для отдельно взятой страны, основанный на вычислении среднестатистического изменения цен на товары фиксированной потребительской корзины.

индекса потребительских цен. Безусловно, инфляционное увеличение не подвергается сомнению: от 92.43 до 457.09. Однако, увеличение сгиба всего 4.95, почти в два раз меньше относительно Брабанта и в полтора сравнительно с Англией[47].

Для многих историков покажется странным обнаружить, что революция цен слабее протекала в Испании, чем в двух других странах, которые приведены в пример. Однако, вопреки самому известному тезису о революции цен, данный феномен не берет своё начало с притока «американского сокровища». Формы и воздействие различных денежных и реальных сил, очевидно, отличались по всем трем странам из-за изменения локальной экономической ситуации.

Таблица также позволяет определить начальную точку революции цен. В период с 1516 по 1520 годы инфляция более глобально начинает набирать обороты относительно предыдущих периодов. Однако, тенденция к ускорению повышения индекса потребительских цен закладывается ещё с первых лет XVI в.

Итак, революция цен в Европе – это глобальное явление. Данный феномен охватил территорию всей формирующейся капиталистической миросистемы: начиная от центра, заканчивая полупериферимями и периферимями. Новая мироэкономика испытала серьёзное влияние революции цен во время своего становления, одновременно оказывая влияние на непрерывную инфляцию своими устойчивыми или же только созревающими специфическими особенностями. Тем не менее, именно новая развивающаяся миросистема первоначально формировала революцию цен, поскольку вопреки всё ещё популярному тезису о первопричинности огромного притока «американского сокровища», небывалая инфляция была порождена внутренними факторами:

[47] Предложенные данные использованы по исследованиям: Slicher van Bath B. H. The Agrarian History of Western Europe, A.D. 500–1850. New York, 1963; он же: The Rise of Intensive Husbandry in the Low Countries // Britain and the Netherlands. London, 1960, 1, p. 130–153; Munro J. H. Money, prices, wages, and ‘profit inflation’ in Spain, the Southern Netherlands, and England during the Price Revolution era, ca. 1520 – ca. 1650. // História e Economia: Revista Interdisciplinar , Vol. 4, No. 1. 2008. P. 13–71; Earl J. Hamilton. American Treasure and the Price Revolution in Spain, 1501–1650. Cambridge, Massachusetts, 1934; Phelps-Brown E.H., Hopkins Sheila V. Wage-Rates and Prices: Evidence for Population Pressure in the Sixteenth Century // Economica, XXIV, No. 96. London, 1957. p. 289–306.

демографическим ростом и социальными трансформациями – в качестве предпосылки, торговой переориентации Европы, континентальным прорывом в добыче серебра и меди, а также внутренними европейскими предпосылками, связанными с конъюнктурными изменениями структур рыночных отношений. Безусловно, приток драгоценного металла из Нового света оказал серьёзное влияние на развитие инфляции. Однако, это влияние выступало в качестве катализатора к более продолжительной протяженности данного явления, а также представилось в форме синергического эффекта, поскольку именно после развития Потоси, Сакатекаса и других источников драгоценного металла цены в Европе испытали ещё большее инфляционный подъем.

ГЛАВА 2. ЭКОНОМИЧЕСКАЯ КОНЪЮНКТУРА МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВА В КОНТЕКСТЕ ЕВРОПЕЙСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

Для мировой экономики XVI в. стал определяющим в плане дальнейшего развития капиталистической тенденции, которая постепенно становилась основополагающей в контексте формирования того, что И. Валлерстайн называет «миросистемой». Европа пережила два фундаментальных кризиса для собственной экономики: «Черная смерть» (1348) и падение Константинополя (1453). В настоящей работе не производится попытка вписать в одну объяснительную модель приведенные кризисы с эпохой Великих географических открытий, однако стоит отметить, что данные события стали важными факторами для экономической жизни Европы. В результате постоянной эскалации капитализма, Европа обретала тот самый привычный облик, который знаком из работ исследователей «тотальной истории». Однако, следует понимать, насколько экономическая конъюнктура Московского государства соответствовала тенденциям капиталистической эскалации Европы и возможно ли в предложенном контексте рассуждать о развитости или отсталости Московии.

2.1. Московское государство в логике представителей «тотальной истории»

Поскольку проблематика настоящей работы вписывается в контекст направления, которое традиционно в историографии называется «тотальной историей», стоит изначально рассмотреть несколько основных интерпретаций авторов данной историографической традиции относительно положения Московского государства в XVI в. в контексте происходивших в Европе изменений.

Первым автором, позиция которого предложена к рассмотрению, является основоположник так называемой «тотальной истории», а именно Фернан Бродель. По мнению Ф. Броделя, «Россия – долгое время сама по себе

мироэкономика», экономические связи которой в основном были ориентированы на торговлю не с Западом, а с Востоком, которая «была положительной для России», поскольку Западу требовалось от России только сырьё, а в ответ они давали драгоценные металлы и предметы роскоши. Восток же, в свою очередь, был готов покупать готовые изделия вместо сырьевого материала, а поставлял предметы роскоши и различного рода ресурсы (например, красящие средства, ткани и шёлк по низким ценам и т.д.)[48]. При этом торговый баланс Московского государства восстанавливался обменными процессами с Западной Европой через Нарву. Однако, Бродель считает, что «открытие» пряностей как предмета роскоши в России произошло только со становлением этого продукта в базовом обиходе Европейских несеверных государств: «В Голландии считали, что лучшим товаром «для холодных стран» после денег были пряности, поглощаемые “в колоссальных количествах” в России и Польше»[49]. То есть, по Броделю, имеется два противоречивых суждения, поскольку «положительный» характер торговли с Востоком для России, вероятнее, сделал Московское государство посредником поставки азиатских товаров, которые были крайне привлекательны для Западной Европы. Однако, Россия не смогла претендовать на роль экономического гегемона, но об этом речь пойдёт позже.

Бродель полностью соглашался с И. Валлерстайном, который относил Московское государство XVI в. к странам вне западной сферы, то есть зоны, в рамках которой капиталистические отношения уже успели окончательно утвердиться и полностью разрушить феодальное социально-экономическое устройство. При этом оба автора не оговаривают принадлежность Московского государства в XVI в. к ряду государств, в которых господствуют феодальные отношения. Это также крайне важная мысль, которая актуальна при дальнейшем рассмотрении социально-экономического положения Московского государства.

[48] Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. Т. 3. Время мира. М., 2007. С. 481–483.
[49] Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. Т. 1: Структуры повседневности. М., 1988. С. 241.

Упомянутые исследователи в области макроэкономических вопросов дополняют мысли друг друга – Бродель: «В России [в экономике] главным действующим лицом было государство. Все зависело от его нужд, его задач и от огромной тяжести прошлой истории»[50]; Валлерстайн, соглашается с мнением П. И. Лященко и обосновывает предложенную точку зрения в рамках своего взгляда на историю Московского государства: «Необходимая организация труда могла быть достигнута лишь путем внеэкономического принуждения, „прикреплявшего“ рабочую силу к поместью путем порабощения тружеников не только с помощью задолженности, займов, кабалы и т. д., но и благодаря признанию за помещиком „права“ на принудительный крестьянский труд»[51].

В соответствии с данной точкой зрения Валлерстайн выбрал несколько обосновательных позиций. Во-первых, речь идёт о создании Иваном III поместной системы в конце XV в. Иван Грозный продолжил политику Ивана III также для обеспечения уверенности в «сравнительно преданной ему постоянной армии»[52], что после привело к неоднозначной политике опричнины. Во-вторых, одним из основополагающих пунктов аргументации Валлерстайна является насильственное «принуждение» в сфере законодательного оформления крепостного права. Процесс «принуждения», описанный Валлерстайном, был необходим для борьбы с «эндемичным пороком» постоянного передвижения крестьян от одного помещика к другому, что обеспечивало перманентное состояние нестабильности в аграрной сфере и негативно отражалось на благосостоянии служилых людей. Предложенную категорию автор предлагает связать с появившейся государственной поместной системой для обеспечения служилого контингента, который проявляет верность великому князю. При этом

[50] Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. Т. 3. Время мира. М., 2007. С. 486–487.

[51] Цитата приведена из книги: Валлерстайн И. Мир-система Модерна. Капиталистическое сельское хозяйство и истоки европейского мира-экономики в XVI веке. Т. 1. М., 2015. С. 392. Первоисточник: Lyashchenko, Peter I. History of the National Economy of Russia to the 1917 Revolution. New York, 1949. С. 192–193.

[52] Валлерстайн И. Мир-система Модерна. Капиталистическое сельское хозяйство и истоки европейского мира-экономики в XVI веке. Т. 1. М., 2015. С. 389.

позиция Валлерстайна не совсем однозначна в том смысле, что автор описывает юридическое оформление крепостного права совершенно классическим способом, а именно предлагает согласиться с В. О. Ключевским по вопросу о перманентном росте крестьянской задолженности землевладельцам, но ссылаясь на Александра Гершенкрона: «Процесс закрепощения почти немыслим без государственной власти. Каким образом иначе прикрепление крестьян могло быть достигнуто в стране, столь открытой к огромным пустым пространствам на юге и востоке, таким как великая русская равнина?»[53]. Валлерстайн считает, что процесс ещё большего роста задолженности крестьян землевладельцам обеспечивался постоянным угнетением, которое реализовывалось государственной политикой. Парадоксальность мнения автора проявляется и в высказывании мысли о том, что «законодательное внедрение “крепостничества” в России скорее завершило процесс “рефеодализации”»[54]. Безусловно, стоит отметить, что высказанное мнение крайне любопытно, однако Валлерстайн осуществляет попытку связать историографические позиции, которые антагонистически настроены, что подкрепляется классическими суждениями о сущности крепостничества в России и, при этом не совсем понятно, каким образом Валлерстайн пытается обосновать парадоксальность бинарных взглядов в рамках предложенной концепции.

В-третьих, Валлерстайн делает сильный акцент на экспансионной тенденции в политике Ивана IV, а именно на его понимании того факта, что завоевание экономических зон на восточноевропейской территории могло бы обеспечить ещё большую прибыль, чем торговля с Англией и Голландией. «Россия еще больше приблизилась к поглощению Европой, но “катастрофическая” политика Ивана IV отодвинула этот момент»[55]. Таким образом, Валлерстайн парадоксальным образом считает, что экономическая

[53] Gerschenkron A. Review Article. Lord and Peasant in Russia from the Ninth to the Nineteenth Century // The Journal of Economic History, Vol. 24, No. 1. C. 56.
[54] Валлерстайн И. Мир-система Модерна. Капиталистическое сельское хозяйство и истоки европейского мира-экономики в XVI веке. Т. 1. М., 2015. С. 386.
[55] Там же. С.386–387.

конъюнктура и политическое развитие Московского государства в XVI в. были не настолько развиты относительно западноевропейских реалий, и в случае восточноевропейской экспансии Россия была бы полностью поглощена формировавшейся миросистемой и политическими интересами европейской элиты. Однако, парадоксальность заключается в том, что, несмотря на отсталость Московского государства, она также проходила процесс «рефеодализации», как и западноевропейские государства разного типа, то есть входила в совершенно иную эпоху социально-экономического и социально-политического состояния, которое Валлерстайн ни коим образом не идентифицирует и не включает в систему координат в рамках логики своей теоретической конструкции, рассматривая мировую историю XVI в. в духе идей «тотальной истории».

В этом контексте весьма примечательно то, что два главных представителя направления «тотальной истории» не совсем точно способны передать состояние и степень развития Московского государства в XVI в. в контексте собственных теоретических построений. Этому может быть ряд причин. Однако, сейчас предлагается остановиться на легитимности рассмотрения одной из причин. Она связана не только с предложенной в работе проблематикой, а в целом с историописанием российских реалий. Многие исследователи считают, что иностранные специалисты не способны рассмотреть детально и понять сущность тех или иных феноменов, которые происходили в истории России, так как они были «на самом деле». Не стоит подробно на данном этапе работы рассматривать формулировку «на самом деле», поскольку настоящее действие будет осуществлено в дальнейшем, в процессе работы. Сейчас следует остановиться на предложенной причине и проблеме, которая из неё следует.

В связи с поставленной проблемой следует обратиться к работам российских специалистов, работающих в контексте направления «тотальной истории». И в этом смысле, следует выделить Бориса Юльевича Кагарлицкого, который является сторонником миросистемного анализа в исторических исследованиях.

По мнению Кагарлицкого, «Россия никогда не была страной, изолированной от мира»[56]. Оценивая работу Фернана Броделя, а именно его пункт, посвященный российской истории в контексте непрерывной эскалации капитализма в XVI веке, Кагарлицкий делал следующее замечание: «В классическом исследовании Броделя “Материальная цивилизация, экономика и капитализм” раздел о России настолько лишен связи с другими частями этой работы, что возникает вопрос: зачем вообще нужно было включать Россию в книгу, посвященную развитию мирового рынка?»[57]. Уже в этом контексте становится понятным, что логика отечественного представителя направления «тотальная история» в целом и миросистемного анализа в частности обращена в другую сторону. Кагарлицкий, чтобы систематизировать свои идеи относительно развития Московского государства в XV–XVII вв., использует концепцию «торгового капитализма» М. Н. Покровского. Имеется в виду логика, при которой торговый капитализм выступает ранней формой предпринимательства, раскрывающейся в период усиленной эскалации капитализма, а именно в XVI в., что было обеспечено внутренними европейскими социально-экономическими катаклизмами, а также преференциями, которые были обеспечены открытием новых торговых путей с Востоком, а также экспансией Нового Света. Торговый капитализм обеспечивается исключительно традиционными технологиями и ими же ограничивается, однако, в результате технологической революции, которая может носить абсолютно разный характер, сменяется промышленным капитализмом. В этом смысле торговый капитализм на Западе был кратковременной формой генезиса предпринимательской деятельности и торговых отношений. В свою очередь экономическая конъюнктура России поддерживалась в той или иной степени торговым капитализмом вплоть до

[56] Кагарлицкий Б. Ю., Сергеев В. Н. Введение. История России: миросистемный анализ. Изд. 2-е. М., 2014. С. 20.
[57] Кагарлицкий Б. Ю. Периферийная империя: циклы русской истории. М., 2009. С. 9–10.

начала XX века[58]. «В Мономаховой шапке ходил по русской земле именно торговый капитал, для которого помещики и дворянство были только агентами, были его аппаратом»[59], именно таким образом Покровский обозначал сущность торгового капитализма и его генезис в контексте развития Московского государства сначала и Российской империи впоследствии.

В концепции Кагарлицкого, так же, как и в теоретических построениях Валлерстайна, главную роль в развитии Московского государства в XVI в. сыграло формирование крепостного права. Автор считает, что если рассматривать закрепостительную политику Московии, как «“пережиток” Средневековья, то невозможно объяснить, почему закрепощение крестьянства не ослабевает, а наоборот, усиливается на протяжении XVI–XVII вв.»[60]. И в этом смысле логика Кагарлицкого идентична той, что представлял Валлерстайн. Однако, используя концепцию торгового капитализма Покровского, Кагарлицкий считает, что закрепостительная политика стала движущей силой для модернизации страны в русле Нового времени, поскольку именно крепостной труд обеспечивал потребности и интересы отечественного и иностранного торгового капитала, который стал основной движущей силой эскалации капитализма в XVI в., поскольку даже в передовых странах на протяжении всего столетия преобладал именно торговый капитал, так как промышленный, в классическом смысле, не мог быть обеспечен в полной мере технологической конъюнктурой, которой был насыщен европейский рынок (даже английский и голландский примеры осуществили качественный переход, скорее, только в начале XVII века). Однако, на данном этапе работы не будем подробно останавливаться на том, каким именно образом Кагарлицкий описывает процесс юридического оформления крепостного права в конкретных

[58] Кагарлицкий Б. Ю., Сергеев В. Н. Введение. История России: миросистемный анализ. Изд. 2-е. М., 2014. С. 21.
[59] Покровский М. Н. Очерки по истории революционного движения в России XIX и XX вв. 2-е изд., М.-Л., 1927. С. 10.
[60] Кагарлицкий Б. Ю., Сергеев В. Н. Введение. История России: миросистемный анализ. Изд. 2-е. М., 2014. С. 151.

деталях, поскольку закрепостительному процессу посвящен отдельный параграф настоящей работы. Важнее отметить то, что Кагарлицкий, в отличие от Иммануила Валлерстайна, считает, что именно оформление крепостного права в Московском государстве и означает его включение в миросистему, поскольку она должна пониматься не как «иерархически организованная международная торговля», за что миросистемный анализ критиковался ортодоксальными марксистами, а скорее более важно то, что «на самом деле речь идет все-таки не о торговле как таковой, а о международном разделении труда … И лишь с того момента, как начало складываться мировое разделение труда, торговля стала играть ту решающую роль в накоплении капитала, которую отметил еще Карл Маркс»[61]. И именно в этом смысле Московское государство оказалось в ряде государств периферии или полупериферии в рамках сформировавшейся и постоянно расширяющейся миросистемы.

2.2. Экономическая конъюнктура Московского государства в XVI в.

Инфляционный процесс, характерный для западноевропейских государств XVI века, описанный в первой главе данной работы, безусловно, является крайне важным фактором для понимания причин и последствий той социально-экономической трансформации европейского капитализма в целом и его эскалации в частности. Тем не менее, следует отметить, что развитие различного рода социально-экономических отношений в Московском государстве весьма сложно вписать в те исследовательские модели, которые характерны для развития европейского мира, который пережил ряд экономических, социальных и политических феноменов вызванных революцией цен. В данном параграфе осуществляется попытка рассмотрения социально-экономической конъюнктуры Московского государства в XVI в. для понимания возможности / невозможности эскалации капиталистических тенденций в контексте генезиса торговых

[61] Кагарлицкий Б. Ю. Периферийная империя: циклы русской истории. М., 2009. С. 25–26.

тенденций в России как одного из нетипичных представителей экономических отношений европейской мироэкономики.

2.2.1. Московское государство в контексте эскалации европейского капитализма

«Стояние на реке Угре» в 1480 году формально в историографии принято считать окончанием зависимости Руси от Орды. Однако, важно понимать, что в XV веке Московское княжество и его соседи имели возможность развиваться самостоятельно. Великий Новгород был городом, не совсем вписывающимся в общую картину русских земель, которые таковыми применительно к XV в. можно называть с большой долей условности. Данный факт связан с экономическими особенностями Новгородской республики, главный город которой был узловой точкой в Ганзейском союзе в XV в., поскольку больший процент меха, ввозимый ганзейскими купцами на территорию Западной и Центральной Европы, был именно из Новгорода. Великий Новгород был исключительно купеческим городом, поскольку город имел уникальную, относительно других русских земель, возможность включения в Балтийскую торгово-экономическую зону, а также являлся крупным посредником производимых торговых операций по волжскому торговому пути с богатыми восточными государствами, товары которых очень высоко ценились на европейском рынке. Фактически, до глобальных экономических трансформаций Европа имела только два крупных источника получения редких азиатских товаров: итальянские торговые города Средиземноморья (например, Генуя и Венеция) и Великий Новгород.

Однако, в 1477 году Иван III потребовал от «Господина Великого Новгорода» признания себя «государем», то есть включение новых земель в «исключительное собственное владение» великого князя[62]. Это событие имело

[62] Хархордин О. Основные понятия российской политики. М., 2011. С. 26.

тяжелые последствия для экономической действительности Новгорода, поскольку влияло на торговлю с Балтийскими странами. После данного события Новгород постепенно утратил в течение конца XV–XVI вв. свою торгово-экономическую уникальность и те привилегии, которых были лишены остальные земли уже единого Московского государства. Также указанное событие повлияло на развитие и Ганзейского союза, который испытывал и другие трудности в эскалации своих торговых связей, поскольку многие европейские правительства стремились установить свой собственный контроль над торговлей[63], а также Ганза являлась соперником Англии в вопросе продвижения по восточному направлению.

Помимо сказанного возникла ещё одна торговая проблема, связанная с понятием базового продукта по отношению к экспорту. То есть, имеется ввиду основная категория экспортируемой продукции в западноевропейском направлении. Если осуществить попытку поиска подобного продукта, который являлся основным источником доходов сначала Великого Новгорода, а после и для раннего Московского государства, то им может стать новгородский мех белки, торговля которым, по мнению А. Л. Хорошкевич, приобрела грандиозные масштабы[64]. Однако, экспорт беличьего меха перестает быть актуальным в первой половине XVI века в западном направлении по причине появления капиталистической инновации, которая стала более значительной для европейского рынка. Речь идёт о единственном серьёзном конкуренте, который набирает экономическую стабильность во второй трети XVI в., а именно об английской шерсти, которая становится основной статьей экспорта в английской экономике, поскольку шерсть вполне успешно реализуется на европейском рынке, в первую очередь во Фландрии. Новгородская пушнина в таких условиях не выдерживает конкуренции. В таком случае, рассматривая экономическую конъюнктуру Московии на рубеже XV–XVI вв., становится ясно, что у

[63] Кагарлицкий Б. Ю. Периферийная империя: циклы русской истории. М., 2009. С. 127–130.
[64] Хорошкевич А. Л. Торговля Великого Новгорода с Прибалтикой и Западной Европой. М., 1963. С. 52.

Московского государства возникает потребность в поиске нового базового продукта, который бы заменил пушнину для экономического благополучия государства.

Крайне важным событием в развитии внешнеэкономических связей Московского государства в XVI в. стало установление торговых отношений с Англией. В середине XVI в. англичане отправили три своих корабля, чтобы осуществить экспедицию по открытию северного морского пути на Восток. Вероятнее всего, это было связано со стремлением расширения сферы своего торгово-экономического влияния, спровоцированное открытием Нового Света испанцами и монопольным правом португальцев на пользование морского пути вокруг Африки в Индию. Сложно предполагать, была ли это действительно попытка открыть новый торговый путь в Азию или экспедиция для открытия новых путей в рамках европейского рынка. Однако, в 1553 году корабль «Edward Bonaventure», руководителем которого был Ричард Ченслер открыло новый торговый путь, который связывал Англию и Россию. В результате совершенного открытия представители Ивана Грозного добились торговых привилегий в Лондоне в обмен на предоставленное англичанам право проведения экономических операций по указанному пути[65]. В 1555 годы была создана торговая «Московская компания». Основными статьями экспорта Московского государства были: канаты, воск, зерно, соболиные меха. В 1584 компания получила лицензию английского правительства на экспорт 1500 фунтов слитков драгоценных металлов в Россию, а в 1597 году, который являлся годом большой нехватки продовольствия в Англии, было разрешено вывезти 500 фунтов иностранных монет для покупки зерна в России[66].

И в этом контексте важно пояснить, что царь очень часто выступал монополистом по вопросу продажи некоторых крайне выгодных товаров,

[65] Магидович И.П., Магидович В.И. История открытия и исследования Европы. М., 1970. С. 155.
[66] Willan T. S., Trade between England and Russia in the Second Half of the Sixteenth Century // English Historical Review, Vol. 63, No. 248. 1948. P. 310–315.

например, воска и меха[67]. Однако, следует понимать, что открытие англичан также стало важным в том смысле, что в это же время и немцы, и голландцы, и итальянцы тоже начинают активное сотрудничество по торговле с Московией, что, безусловно, очень серьёзно отразилось на приоритетах торговой российской элиты.

Именно таким образом выглядела ситуация внешнеэкономической конъюнктуры Московского государства в конце XV–XVI вв. Безусловно, предложенный обзор не совсем точно отражает всех тенденций генезиса связей внутреннего рынка с внешним. Однако, предложенные пропозиции крайне важны для понимания внутренних процессов, происходивших в XVI веке в России.

2.2.2. Внутренние тенденции развития экономики Московского государства

Многие исследователи свидетельствуют о том, что в Новгородскую республику в огромном количестве поступали драгоценные металлы, в качестве оплаты за товары, вывозимые по торговому пути. Артур Эттман считает, что «члены Тевтонского ордена в Новгороде чаще всего менялись не товаром на товар, а выплачивали слитками серебра. В этом смысле, они и были главными его поставщиками на новгородский рынок»[68]. Другие данные также свидетельствую о том, что драгоценные металлы поступали в республику не только посредством западного пути, но и восточного. В частности, имеются ввиду монеты, которые использовались как для внутреннего, так и для внешнего обмена, византийского происхождения, монеты и серебряные блюда эпохи

[67] Willan T. S. The early History of the Russia Company. 1555–1603.Manchester: Manchester Press, 1956. P. 14.
[68] Attman A. The Russian and Polish Markets in International Trade, 1500–1650. Goteborg, 1973. P. 106.

Сасанидов[69], особенно на территории Вятки[70]. И в этом контексте очень важно понимать, что большая часть драгоценных металлов поступала на территорию русских земель как раз посредством двух представленных путей: Балтийской торгово-экономической зоны и Волжского торгового пути, поскольку собственных источников добычи драгоценных металлов практически не было. Джером Блум, ссылаясь на документы оставленные Марко Поло и Ибн Баттуты, считает, что в русских землях были серебряные рудники, однако власти либо не знали о них, либо не могли ими грамотно воспользоваться, и в связи с этим Россия фактически сама себя обрекла на роль зависимого от импорта драгоценных металлов государственного образования союзнического типа между различными землями. Эта мысль подтверждается сообщениями путешественников о XVI веке, когда ряд иностранцев писали о своих поездках в Россию и ни один из них не упоминал о каком-либо производстве серебра[71]. В контексте настоящей работы, это является одной из основополагающих идей, поскольку европейская экономическая конъюнктура была крайне зависима от регулярных потоков драгоценных металлов, скорость обращения которых перманентно увеличивалась, но при этом повышалось и количественное выражение денежной массы посредством регулярного пополнения внутренних европейских запасов «американским сокровищем».

Дополнительным аргументом в рамках предложенного положения может являться и монетарная политика Московского государства. Расчётной денежной единицей экономики Московии был рубль, вес которого изначально был равен весу серебряной гривенки (вес которой был 48 золотников[72]). А «денежная гривна в 96 зол[отников] была не серебряным слитком, а денежно-счетной

[69] Пономарёв А., Турова Е. Серебряный след. Новгород–Вятка–Пермь. Вятка, Лобань, 2006. С. 11.
[70] Восточное серебро. Атлас древней серебряной и золотой посуды восточного происхождения, найденной преимущественно в пределах Российской Империи. Издание Императорской Археологической комиссии ко дню пятидесятилетия её деятельности. СПб., 1909. № 49, № 90 и др.
[71] Blum J. Prices in Russia in the Sixteenth Century // The Journal of Economic History, Vol. 16, No. 2. P. 188.
[72] 1 золотник = 4,26 грамма

гривной, в которую входили иностранные монеты на 96 зол. веса»[73]. Однако, рубль крайне редко был именно расчётной единицей внутреннего рынка, поскольку, в основном, обменную функцию выполняли серебряные монеты – деньги. Тем не менее, со временем описанное соотношение перестало соответствовать реальности. В конце XV в. Московское государство завоевало Новгородскую республику, и новгородская монета была включена в московскую систему в соотношении одна новгородская деньга к двум московским деньгам. Рубль Москвы стал универсальным денежным счетом и был оценен как 100 новгородских денег или 200 московских денег.

В течение всего периода XV – начала XVI вв. московские князья регулярно занимались порчей монет и к денежной реформе 1535 года, соотношение составляло – одна серебряная гривенка к 260 новгородским деньгам или к 520 московским[74]. Реформа Елены Глинской стала также ещё одним актом уменьшения стоимости расчётной валюты по драгоценному металлу. 300 новгородских денег или 600 московских чеканились относительно серебряной гривенки, а рубль стал соответствовать 16 золотникам. После данной реформы, по утверждению И. И. Кауфмана, деньги оставались весьма стабильными в течение остальной части столетия, несмотря на все те социально-экономические и геополитические катаклизмы, которые были характерны для развития Московского государства в XVI веке[75].

В этой связи следует рассмотреть основные сдвиги экономической конъюнктуры Московского государства в виде регулярных ценовых колебаний. Первой серьёзной попыткой анализа цен в XVI в. является работа В. О. Ключевского. Не будем заниматься рассмотрением различного спектра цен на товары в Московии, которые указывал Ключевский. Стоит остановиться

[73] Федоров Г.Б. Деньги Московского княжества времени Дмитрия Донского и Василия I (1359–1425) // Материалы и исследования по археологии Москвы. Том II. № 12. М.-Л., 1949. С. 149.
[74] Blum J. Prices in Russia in the Sixteenth Century // The Journal of Economic History, Vol. 16, No. 2. P. 190.
[75] Кауфман И. И. Серебряный рубль в России от его возникновения до конца XIX века. СПб., 1910. С. 62–64.

исключительно на хлебных ценах (в таблице они указаны в копейках), чтобы рассмотреть их динамику, поскольку далее в работе речь пойдёт о поиске базового продукта для экспорта в Московском государстве, которым мог / не мог стать хлеб во второй половине столетия. Ключевский приводит такие данные:

Таблица № 4[76].

Территория	Вид	к. XIX в.	1/2 XVI в.	соотношение
Москва 1520-х	Рожь	840	30	28
Вологда 1520-х	Рожь	900	14	64
Белоозеро нач. XVI в.	Рожь	900	14	64
Псков 1543 г.	Рожь	725	40	18
	Овес	380	13+1/3	28
	Ячмень	565	26+2/3	21
Новгород 1544 г.	Рожь	900	13+1/3	67
Шунга 1549 г.	Рожь	1350	26+2/3	51

Таблица № 5[77].

Территория	Вид	к. XIX в.	2/2 XVI в.	соотношение
Псков	Рожь	725	21+1/3	34
	Овес	380	16	24
	Ячмень	565	26+2/3	21
	Пшеница	1200	44	27
Вологда 1577 г. и 1578 г.	Рожь	900	25	36
	Овес	355	13+1/3	28
	Пшеница	1240	40	31

[76] Ключевский В. О. Русский рубль XVI–XVIII вв. в его отношении к нынешнему (Опыт определения меновой стоимости старинного рубля по хлебным ценам). М., 1884. С. 34.
[77] Там же. С. 35.

Белоозеро 1587 г.	Рожь	900	84	11
	Овес	390	56	7
Новгород 1589 г.	Рожь	900	80	11
Архангельск 1596 г.	Рожь и овес	1750	49	36
Москва конца XVI в.	Рожь	840	22+1/2	37

Следует пояснить о чём идёт речь в этих двух таблицах. Они отличаются друг от друга исключительно по хронологическому принципу: в первой речь идёт о хлебных ценах в первой половине XVI в., а в следующей – о второй половине столетия. В таблицах представлены цены соответствующего периода XVI в., регионы где эти цены упоминались, вид зерна, цены второй половины XIX в., а также расчёт коэффициента соотношения между показателями цен соответствующего периода XVI в. и второй половиной XIX в. Относительно первой половины XVI в. Ключевский заключает, что средний коэффициент равен 43, а во второй половине столетия – 25. Далее исследователь осуществляет сопоставление полученных коэффициентов, со средним показателем стоимости одной четверти зерна. Данный показатель Ключевскому удалось получить посредством сравнения показателей средних цен во второй половине XIX в. с усредненным показателем дешевых хлебных цен для XVI в.

Таблица № 6[78].

Вид	к. XIX в.	XVI в.	Соотношение
Рожь	785	5	157
Овес	307	2+1/2	123
Ячмень	502	4	125
Пшеница	1057	12	88

[78] Там же. С. 29.

Средний коэффициент указанных ценовых соотношений равен – 123. Элементарные вычисления позволили Ключевскому заключить, что московский рубль первой половины XVI в. равен 83 рублям относительно второй половины XIX; а рубль второй половины XVI в. по отношению к XIX в. равен 74. Относительно данных вычисленных исследователем средний коэффициент прироста хлебных цен на протяжении всего XVI века слишком мало изменился, то есть показатель указанных цен по отношению ко второй половине XIX в. составил всего 1,14.

Исследование Ключевского, безусловно, является очень важной попыткой рассмотрения хлебных цен в Московском государстве XVI века, но «автор сам признает необходимость поверки, полученных им выводов, на основании возможно более полного подбора неизданного материала»[79]. Именно таким образом подводит к существующей проблеме в историографии исследования цен в Московии Н. А. Рожков. Не будем останавливаться подробно на тех данных, которые приводит Рожков. Следует лишь отметить то, что в целом исследователь повторяет путь Ключевского в методологическом смысле, поскольку занимается исключительно сравнением цен в Московском государстве XVI века и переносит их на современные для автора работы данные. Однако, он использует гораздо более обширный источниковый материал, что позволяет ему не согласиться с выводами Ключевского о том, что рубль остался практически неизменным на протяжении всего столетия. Рожков же считал, что рубль в первой половине XVI века стоил 94 рубля, а во второй – только 24-25 рублей по курсу конца XIX века. Цена на зерно, по его расчетам, неуклонно росла с 1530 года, тогда как происходило падение цен на другие товары: лошади, крупный рогатый скот, земля – для которых он представлял данные. Хлебные цены, согласно вычислениям автора, выросли в 3,8 раза (при соотношении 94:25) Рожков относил эти ценовые сдвиги, как вверх, так и вниз к росту торговли, особенно в

[79] Рожков Н. А. Сельское хозяйство Московской Руси в XVI веке. М., 1899. С. 202.

сельскохозяйственной продукции, и к достижениям в технике ведения сельского хозяйства[80].

Безусловно, крайне сложно выделить верность позиции какого-либо из предложенных исследователей. Логика заключается в том, что и Ключевский, и Рожков работали в одной и той же методологической системе, пытаясь посредством сравнения цен XVI века, данными о которых они располагали из весьма слабой источниковой базы, с ценами, которые были актуальны для самих исследователей в конце XIX века.

Более основательную картину сдвигов показателей цен открывает исследование А. Г. Манькова, который опирается на большее количество данных по поводу цен на различного рода товары, поскольку использует более обширную источниковую базу для подтверждения собственной точки зрения: начиная от данных, которые содержатся в писцовых книгах, заканчивая актами археографической экспедиции и др. Однако, в данной работе следует остановиться исключительно на хлебных ценах, так же, как и осуществлялось рассмотрение концепций предыдущих двух исследователей. Маньков рассматривал цены по четырем районам: Беломорское побережье, которое в XVI веке являлось одной из наиболее активных торговых областей России; Вологда, располагавшаяся к северу от Москвы; Волоколамск, находившийся между Москвой и Новгородом (использовал приходно-расходные книги Иосифо-Волоколамского монастыря); и сама Москва, как город, являвшийся наиболее важным торговым центром государства. Говоря о сводных данных характерных для общей концепции Манькова, следует ретранслировать предложенную автором таблицу (индекс 1600 года, условно, равен 100):

[80] Там же. С. 202–219.

Таблица № 6[81].

Годы	Средний индекс	Отношение	Годы	Средний индекс	Отношение
1501 – 1510	21	1	1551 – 1560	103	5
1511 – 1520	42	2	1561 – 1570	113	5+2/5
1521 – 1530	22	1	1571 – 1580	97	4+3/5
1531 – 1540	37	1+3/4	1581 – 1590	136	6+3/7
1541 – 1550	152	7+1/4	1591 – 1600	94	4+1/2

То есть, согласно вычислениям А. Г. Манькова, в соотношении последних лет XVI столетия к первым годам века можно увидеть серьёзный прирост цен относительно того времени в 4,5 раза. И несмотря на то что подобный прирост хлебных цен имел серьёзные последствия для внутреннего рынка и внешнеэкономических операций, аналогичный подъём конъюнктуры цен по показателям не является соотносимым с теми данными, которые приводятся в первой главе настоящей работы относительно революции цен в Европе. Однако, Маньков склонен рассуждать, что помимо внутренних факторов, которые были актуальны для внутренних трансформаций рынка Московского государства в XVI веке, внешние тенденции также стали неотъемлемыми частями генезиса российского рынка. Автор аргументирует свою позицию тем, что самый крупный скачок хлебных цен в Европе приходится на 80–90 годы XVI века, в это же время цены также значительно повышаются. Но период второй половины 90-х гг. в России характеризуется незначительным падением цен, что Маньков объясняет тем, что «темп возрастания цен в Русском государстве за 80-е годы выше, чем европейский. … Поэтому-то в 90-е годы имеет место снижение уровня цен, чего не наблюдается в Западной Европе»[82].

[81] Маньков А. Г. Цены и их движение в Русском государстве XVI века. М.-Л., 1951. С. 40.
[82] Там же. С. 42.

2.3. Закрепостительная политика Московского государства в XVI в.

В контексте рассмотренных явлений следует обратить внимание на то, что базовым продуктом импорта применительно к Московии в XVI веке являлась поставка драгоценных металлов, однако остается не ясным вопрос относительно базового продукта экспорта, поскольку пушнина, поставляемая Новгородом, в силу ряда факторов перестала быть насколько актуальной на европейском рынке, насколько была до начала XVI века. В контексте предложенных рассуждений представляется важным проверить гипотезу высказанную Б. Ю. Кагарлицким о том, что включению России в миросистему капиталистического толка позволило законодательное оформление крепостного права, а точнее сознательная подготовка внутренней почвы московским правительством для дальнейшего экспорта зерна, в котором Европа стала нуждаться в результате капиталистической эскалации, международного разделения труда, а также в последствии внутренних ценовых сдвигов на хлебную продукцию в небывалых масштабах.

Московское государство вступало во вторую половину «долгого XVI века» в крайне сложной геополитической ситуации, что осложнялось тем внутриполитическим курсом, который был выбран Иваном IV. Периодическая нестабильность в политике царя привела к неоднозначным решениям и их последствиям. Неудачные итоги Ливонской кампании, опричная политика, не всегда логичная внешнеполитическая ориентация в экономической области. Все указанные события стали причинами частичного процесса рецессии российской экономики во второй половине XVI века.

Именно в такой ситуации появляется крайне неоднозначный феномен, определивший ход российской истории на ближайшие несколько сотен лет. Указанным явлением стало крепостное право. Крепостное право – один из важнейших процессов в истории Российского государства. Именно оно было одновременно и движущей силой, и причиной отставания страны во многих сферах от Западной Европы. Главным фактором для становления крестьянской

крепости послужила налоговая политика Московского государства[83]. Однако, налоговая политика не стала единственным подспорьем для закрепощения крестьян. В последствии, труд крепостного стал основной статьей дохода помещиков и вотчинников.

Согласно классической модели рассмотрения этапов закрепощения крестьян в XVI веке в Московском государстве, принято выделять три базовых этапа: 1) статьи 57 и 88 Судебников 1497 и 1550 гг.; 2) феномен «заповедных лет»; 3) возможность существования указа 1592 г. об отмене выхода крестьян от помещиков и введение «урочных лет».

Следует рассмотреть актуальность поиска нового продукта, который бы стал гарантом экономического благосостояния. Дело в том, что постепенно была потеряна актуальность экспорта новгородской пушнины, и в этом контексте важен был стабильный внутренний рынок, который способен стимулировать экспорт.

В предложенной риторике относительно базового продукта стоит обратить внимание на аграрную сферу экономики Московии и её трансформацию под влиянием процесса юридического оформления крепостного права. Классический подход к периодизации введения крепостничества рассматривает статьи 57 и 88 Судебников 1497 г. и 1550 г. первыми актами, устанавливающими прикрепление к земле крестьян. Аналогичной точки зрения придерживается и Б. Ю. Кагарлицкий. Однако, следует понимать, что интересы землевладельцев, которые согласно классическому взгляду были апологетами введения крепостного права, очень часто пересекались. В частности, по вопросу порядов-отказов крестьян. Имеются ввиду возможности отказа крестьян по Судебникам, таковых варианта было три легальных – законный отказ с выплатой пожилого, сдача и своз; и один незаконный – побег. Именно по вопросу своза возникал конфликт интересов между различными землевладельцами, поскольку за крестьянина, который не мог расплатиться с собственником земли, часто

[83] Бунько В.А. Налоговая политика Московского государства и крепостное право // Проблемы и пути социально-экономического развития: город, регион, страна, мир. СПб., 2015. С. 74.

отдавал пожилое и ссуду другой крупный землевладелец. В таком случае, крестьянин «не менял своего юридического положения, а лишь переходил от одного кредитора к другому»[84]. Возможна была и иная ситуация, при которой достигалось соглашение между землевладельцами без мнения крестьянина. То есть, установленная норма крестьянского отказа являлась законным установлением права крестьянина, которым он мог воспользоваться в случае, если землевладелец не планировал его отпускать, и, напротив. Указанные статьи Судебников являются скорее нормой консенсуса в отношениях между тяглыми крестьянами и собственниками земли. При этом установление пожилого является ответом на требования Московского государства в области фискальной политики. При таком подходе государство обеспечивало и стабильность налоговой системы, и товарный экспорт на внешнем рынке.

Весьма сложно обобщить предложенные статьи Судебников в смысле закрепощения или установления единого права. Безусловно, выбранный срок «за неделю до Юрьева дни осеннего и неделя по Юрьеве дни осеннем»[85] обусловлен процессом уборки урожая, поскольку потеря рабочих рук сказывалась на землевладельце и фискальных интересах Московского государства. И в этом контексте очень важно пояснить ещё и хронологическую дифференциацию, которая актуальна для двух Судебников. Относительно поставленного вопроса вполне обоснованной и логичной выглядит позиция С. Н. Кистерева о том, что четырёхлетний срок является циклом полного освоения выбранного земельного участка: в первый год осуществляется расчистка поля для посева и подготовка двора, во второй год – посев яровых и озимых, введение в эксплуатацию нового поля и запуск под пары одного уже использованного, аналогичная ситуация

[84] Ключевский В. О. Русская история: Полный курс лекций. В трех книгах. Книга 2. Ростов н/Д., 1998. С. 57.
[85] Хрестоматия по истории СССР. Т.1. С древнейших времен до конца XVII века. М.: Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства просвещения РСФСР, 1951. С. 326.

происходила и в третий год; а на четвертый год – обновление цикла оборота полей, что позволяет заключить, что «поля пашутся “по старине”»[86].

В настоящем контексте важно понимать также сущность происхождения пожилого, как одного из условий крестьянского отказа по нормам Судебников. В этом смысле, весьма актуальный взгляд на проблему предлагает В. А. Аракчеев, который считает, что «введение пожилого стало особенно актуальным в конце XV в.»[87]. Смысл пожилого как такового актуализируется поскольку Московское государство присоединяет к своим владениям новые территории, а именно Новгород и Псков, которые в последствии подвергаются хозяйственному описанию, так называемым писцовым книгам в 1480–90-х гг. В результате произведенной деятельности в государстве складывается абсолютно новая система налогообложения – сошное письмо. В писцовые книги записывались: землевладельцы, площадь обрабатываемых земель в четвертях (пашня паханная, пашня наездом (не подлежала налогообложению по отношению к землевладельцу, но через три года становилась оброчной или подлежала покупке), пашня перелогом, пашня лесом поросшая («порозшие» земли, пустошь), леса (частного и общего («черный лес») владения), сенокосы, количество крестьянского населения по дворам (в городах – посадское население), строения и укрепления в городах, размеры государственного тягла (исчисляемые в условных единицах – сохах)[88]. То есть, возникала ситуация, когда новоприходец, оказываясь в новом владении, не попадал в новые учетные книги, и, соответственно, на него не был произведен новый расчёт тяглового обложения в виде «выти», то в этом случае община или землевладельцы были способны фактически безвозмездно обеспечивать льготой новоприходца, поскольку он не был отмечен в писцовых книгах. Однако, в случае его попадания на страницы документа, который осуществлял хозяйственное описание,

[86] Кистерев С.Н. Исковая давность в древнерусских юридических памятниках // Россия и христианский Восток. Вып.1. М., 1997. С. 100.
[87] Аракчеев В. А. Крестьянские переходы по Судебникам и происхождение пожилого // Вестник Новгородского государственного университета. №51. 2009. С. 6.
[88] Шевцов В. В. Историческая метрология России: Учебное пособие. Томск, 2007. С. 141.

новоприходец был вынужден нести тягло, но при этом также он нуждался и в льготе на обустройство двора и расчистку поля. А в случае, если он покидал участок до его полного освоения, то фактически община и (или) землевладелец осуществляли выплату за покинувшего прилегающую территорию по вновь проведенному описанию крестьянина. В связи с этим, вывод В. А. Аракчеева о том, что «статьи 57 и 88 Судебников не были непосредственно связаны с вотчинным режимом; а значит истоки крепостного режима, введенного в России в конце XVI – первой половине XVII в., лежали в сфере фискальной политики государства»[89], видится не совсем полным, поскольку, вероятнее всего, именно общину и (или) землевладельца не устраивало положение дел, при котором новоприходец, не осуществлял никакой компенсационной выплаты за то, что община и (или) землевладелец выполняли его обязательства по тягловым выплатам.

В контексте описанных норм и ситуаций относительно практики крестьянского отказа по Судебникам 1497 и 1550 гг., важно отметить, что однозначно охарактеризовать данную юридическую норму не представляется возможным, поскольку, с одной стороны, государство обеспечивало свои фискальные интересы посредством введения практики крестьянского отказа, так как пожилое являлось в первую очередь средством обеспечения казны постоянной пополняемостью. И именно эта точка зрения обосновывается Аракчеевым, решительно отвергающим «искаженное видение проблемы отказа как одной из форм классового противостояния»[90]. С другой стороны, уже говорилось о формах возможного выхода крестьян и наибольшее внимание уделялось практике своза, и именно эта часть взаимоотношений между крестьянами и землевладельцами, а также между самими землевладельцами, согласовывается с компенсационной функцией пожилого крестьянина, пользующегося сложной юридической нормой поряда-отказа. В этом смысле,

[89] Аракчеев В. А. Крестьянские переходы по Судебникам и происхождение пожилого // Вестник Новгородского государственного университета. №51. 2009. С. 8.
[90] Аракчеев В. А. Власть и «земля»: Правительственная политика в отношении тяглых сословий в России второй половины XVI – начала XVII века. М., 2014. С. 159.

статьи Судебников и содержащееся в них право крестьянского отказа, представляется более логичным обосновать как скорее определенную норму консенсуса в отношениях между тяглыми крестьянами и собственниками земли. В таком случае, важно отметить, что не представляются легитимными суждения по поводу того, что статью 57 Судебника 1497 г. и статью 88 Судебника 1550 г. можно считать логичным завершением первого этапа закрепостительной политики Ивана III и Ивана IV, поскольку ни о каком закрепощении в этих социально-экономических реалиях не могло быть и речи, так как рассматриваемые нормы являются скорее решением актуальных и повседневных проблем в сфере взаимоотношений между тяглыми и владельческими категориями населения, а также интересы Московского государства в области фискальной политики. То есть, предложенная юридическая норма может быть скорее охарактеризована как именно право крестьянина, которое он способен реализовать в случае необходимости, однако право также обеспечивает интересы других элементов складывающихся взаимоотношений в рамках новой юридической практики.

Изначально в советской историографии проблему заповедных лет развивали Б. Д. Греков и С. Б. Веселовский. Греков выдвинул гипотезу о том, что запрещение крестьянского выхода было осуществлено указом о заповедных годах, изданным Иваном Грозным в 1580 или 1581 г. Режим заповедных лет с самого начала распространялся на всю территорию Русского государства. Однако, он был нарушен Борисом Годуновым в 1601–1602 гг., который разрешил выходы. Данная ситуация продолжалась до Уложения 1607 г.[91] С. Б. Веселовский частично согласился с мнением Б. Д. Грекова, сделав оговорку на то, что при Иване Грозном заповедные лета действовали в пределах ограниченной территории.

Однако, В. И. Корецкий расширил поле наблюдений по данному вопросу архивными находками. Но несмотря на это указал на скудность источников по

[91] Греков Б. Д. Главнейшие этапы в истории крепостного права в России. М., 1940.

вопросу о заповедных летах, а именно: грамоты Деревской пятины и приходно-расходные книги Иосифо-Волоколамского монастыря 80-х годов XVI в.[92] Именно после перечисленных находок обострилась дискуссия по вопросу заповедных лет.

Основными действующими лицами в советской историографии по вопросу заповедных лет стали В. И. Корецкий и Р. Г. Скрынников.

В. И. Корецкий считал, что заповедные годы были введены не позднее 1581 года на основании следующих факторов: 1) Приходно-расходные книги Иосифо-Волоколамского монастыря, из которых после 1581 г. пропадают записи о вышедших; 2) Едровские грамоты 1588–89 гг., в которых существуют упоминания о заповедных летах; 3) Торопецкая грамота; 4) Бельский летописец 30-х гг. XVII в., в котором говорится: «Того же года на зиму царь Борис Федорович… нарушил заклятье блаженные памяти царя Ивана Васильевича всеа Русии и дал христианом волю, выход между служилых людей»[93]; 5) составление в 1581–1582 гг. писцовых книг, как считал В. И. Корецкий, автоматически должно было стать основанием для запрещения выхода[94].

Однако, Р. Г. Скрынников данные основания принял во внимание и дал иную трактовку относительно заповедных лет. Исследователь поставил под сомнение достоверность информации, указанной в Бельском летописце, поскольку автор был удален во времени от описываемых событий на половину столетия. Так же, стоит указать, что автор летописца не совсем понимал события, которые описывал, поскольку перед фрагментом текста об указе Бориса Годунова 1601 г., автор называет его «Об апришнине». Р. Г. Скрынников также взял во внимание приходно-расходные книги Иосифо-Волоколамского монастыря. 7 сентября 1581 г. казначей занес на страницы приходно-расходных

[92] Корецкий В. И. Из истории закрепощения крестьян в России в конце XVI – начале XVII вв. // История СССР, 1957, № 1, С. 161–191.
[93] Татищев В. Н. История Российская. Л., 1968, т. VII, С. 373.
[94] См. Корецкий В. И. Из истории закрепощения крестьян в России в конце XVI – начале XVII вв. // История СССР, 1957, № 1, С. 161–191; он же: Закрепощение крестьян и классовая борьба в Россия во второй половине XVI в. М., 1970.

книг Иосифо-Волоколамского монастыря последнюю запись о выходе Степана Евдокимова[95]. Однако, материалы монастыря указывают на то, что крестьянские переходы были прекращены за полтора года до указанного срока выхода Евдокимова. Данный факт, по мнению Скрынникова, не имеет обоснования в рамках гипотезы Корецкого. Кроме того, автор указывает на то, что монастыри вели учёт крестьянского населения с помощью писцовых книг, а приходно-расходные книги фиксировали только те крестьянские переходы, которые были связаны с уплатой пожилого (т.е. случаи своза или выхода без уплаты в них попасть не могли)[96].

Р. Г. Скрынников предложил гипотезу о “длинных” заповедных летах. Основана она на том, что в 1585–87 гг. началось составление писцовых книг в центральных уездах, соответственно эти годы были объявлены заповедными. Записи в писцовых книгах стали основанием для подачи исковых челобитных землевладельцами центра государства, а новгородские помещики и вотчинники подавали иски на основе писцовых книг 1581–1582 гг., несмотря на то что к тому времени эти книги лишь отдаленно отражали реалии крестьянских хозяйств[97].

Итак, из данной историографической дискуссии можно сделать вывод, что В. И. Корецкий описывал начало ограничения права перехода крестьян, которое затронуло Новгородские пятины, а Р. Г. Скрынников описал процесс переноса режима заповедных лет на центральные уезды. Тем не менее, Скрынников осуществляет некий поворот в понимании сущности заповедных лет, который позже также повлиял на взгляды Аракчеева по поводу этого феномена. Если до Скрынникова, заповедные лета рассматривались исключительно как мера по запрещению выхода крестьян, то Руслан Григорьевич, анализируя также состояние тяглого посадского населения, пришёл к выводу о том, что заповедь

[95] Тимофеев Н. В. Крестьянские выходы конца XVI в. // Исторический архив. Т. II. М.-Л., 1939. С. 67.
[96] Скрынников Р.Г. Заповедные и урочные годы царя Федора Иоановича // История СССР, 1973, № 1, С. 99–129.
[97] См. Скрынников Р. Г. Россия накануне «смутного времени». М., 1985, С. 151–180; он же: Борис Годунов. М., 1979, С. 91–102.

не являлась тотальным ограничителем по вопросу выхода из земель землевладельца. Смысл заключался в том, чтобы стать элементом поддержания существующей фискальной системы, посредством ограничения на выход при условии потери в вопросе тяглоспособности того или иного имения или общины.

А. А. Зимин так же, как и Р. Г. Скрынников считал, что комплекс грамот относится к Едровскому стану и именно «…в Едровском стане Деревской пятины заповедными были 1581/82–1584/85 гг.»[98].

Единственном автором, по существу разработанной концепции, является представитель современного подхода В. А. Аракчеев, кторый выразил мнение о неправомерности сужения места действия грамот, поскольку Едровский стан не был административно-территориальной единицей в составе Деревской пятины и упоминается в обысках 1580-х годов только лишь как место пребывания губных старост[99]. Также Аракчеев сделал вывод о том, что обыски затронули всю территорию Деревской пятины. Помимо этого утверждения, автор опроверг мнение Скрынникова по поводу фрагментарности материала о заповедных годах на основании реконструкции движения документов в административных учреждениях Новгородской земли К. В. Барановым[100].

Концепция В. А. Аракчеева основывается на том, что историк характеризует режим заповедных лет как систему «возвращения беглых и вывезенных крестьян по инициативе самих землевладельцев и по суду, введенная в начале 1580-х годах и действовавшая по меньшей мере до начала 1590-х годов»[101]. Однако, возникает дискуссионный момент, который мог бы охарактеризовать позицию авторов, длительное время сходившихся во мнении, что режим заповедных лет есть запрещение переходов крестьян в Юрьев день. Аракчеев даёт лаконичный ответ на возникшую проблему. Советских историков

[98] Зимин А. А. В канун грозных потрясений. М., 1986. С. 68–69.
[99] Аракчеев В. А. Власть и “земля”. М., 2014.
[100] Баранов К. В. Новые документы по истории новгородской и псковской служилых корпораций XVI – начала XVII в. // Русский дипломатарий. М., 1999. Вып. 5. С. 118–119.
[101] Аракчеев В. А. Правительственная политика в отношении тяглых сословий в России второй половины XVI – начала XVII в. автореф. дисс… д-р ист. наук. М., 2011. С. 34.

вводило в заблуждение слово «заповедь», которое они понимали, как «запрещение под страхом штрафа и самый штраф». Но данная трактовка не всегда верна на что указывают два документальных акта: Двинская уставная грамота 1397/98 гг. и фрагмент Псковской 2 летописи о внутриполитической борьбе в Новгороде летом 1477 г. Данные документы свидетельствуют о том, что слово «заповедь» не всегда соответствует хрестоматийному значению «запрет». Изначально слово «заповедь» соотносилось с глаголом «заповедать», то есть с процедурой «заповедания» – объявление в розыск или сам розыск. Данное значение и отразилось в законодательных и распорядительных актах[102].

Благодаря архивным находкам В. И. Корецкому удалось создать концепцию о поэтапном закрепощении крестьян: 1) введение заповедных лет, 2) издание указа царя Фёдора Иоанновича 1592/93 гг., 3) введение урочных лет для вывезенных в 1594 г. и беглых крестьян в 1597 г.[103] Упоминания о заповедных годах встречаются в источниках только до 1592 г. Именно этот факт Корецкий считал основанием, которое обосновывает реконструируемый им указ 1592–1593 гг. Реконструкция содержала следующие положения: 1) запрет выхода крестьянам и бобылям, распространявшийся на всё Московское государство; 2) основанием подачи исковых челобитных в случае побега крестьянина являлись писцовые книги нового образца 1580–90-х годов XVI в.; 3) принцип обязательной регистрации крестьян в правительственных документах, а не только по требованию землевладельца; 4) пятилетний срок подачи исковых челобитных в крестьянском владении и вывозе, однако закон не оговаривал вопрос о подачи челобитных и сыске беглых крестьян, имея ввиду бессрочность указанного действия[104].

[102] Аракчеев В. А. Власть и “земля”. М., 2014.
[103] Корецкий В. И. Новгородские дела 90-х годов XVI в. со ссылками на неизвестные указы царя Фёдора Ивановича о крестьянах // Археографический ежегодник за 1966 год. М., 1968. С. 306–325.
[104] Корецкий В. И. Из истории закрепощения крестьян в России в конце XVI – начале XVII вв. // История СССР, 1957, № 1, С. 161–191.

Концепция Корецкого столкнулась с серьёзной предметной критикой. Г. Н. Анпилогов считал, что документы 90-х гг. XVI в., которые содержат упоминания о запрете крестьянского выхода, подразумевают заповедные лета, поэтому Анпилогов посчитал реконструкцию Корецкого сомнительной[105]. В. М. Панеях отверг аргументы Корецкого, выразив мнение об определяющем значении заповедных лет[106]. Р. Г. Скрынников также опровергает мнение Корецкого, но при этом он считает, что с 1594 г. правительство начинает ограничивать давность исков о крестьянах пятилетним сроком[107].

В современной исторической науке критикой концепции Корецкого относительно реконструируемого указа Фёдора Иоанновича занимался В. А. Аракчеев. Применительно к положениям реконструкции об основании крепости и обязательности занесения крестьян в правительственные книги, Аракчеев согласился с мнением Анпилогова. Относительно положений о крепости крестьян и бобылей на всей территории государства и 5-летнего срока подачи исковых челобитных, автор не принимает позицию «первооткрывателя». Сомнения вызывает упоминание бобылей в Пантелеймонове монастыре, поскольку в его документах не говорится ни слова об их сыске. Значит, данная черта была свойственна ранее существовавшей практике. А вот 5-летний срок сыска крестьян был введен указом, изданным не позднее 5 июня 1594 г. Соответственно, реконструкция В. И. Корецкого не отвечает критерию экономности при историческом моделировании, поскольку многие его положения опровержимы в рамках современных исторических подходов[108].

Последним фактическим этапом в рассмотрении юридического оформления крепостного права в рамках второй половины XVI века является документ 24 ноября 1597 г. о пятилетнем сроке сыска беглых крестьян.

---

[105] Анпилогов Г. Н. К вопросу о законе 1592 – 1593 гг., отменившем выход крестьянам, и урочных летах // История СССР. 1972. №5. С. 161–165.
[106] Панеях В. М. Закрепощение крестьян в XVI в.: новые материалы, концепции, перспективы изучения // История СССР. 1972. № 1 С. 157–165.
[107] Скрынников Р. Г. Россия после опричнины. Л., 1975. С. 205–210.
[108] Аракчеев В. А. Власть и “земля”. М., 2014. С. 318.

В. И. Корецкий выразил мнение о том, что данный закон не был специально изданным указом, поскольку считал свою реконструированную модель более значимой в данном вопросе[109]. Подобного же мнения придерживался и Г. Н. Анпилогов, который считал, что 5-летняя давность не распространялась на будущее время[110]. По мнению Р. Г. Скрынникова «без такого детального положения отмена Юрьева дня не могла быть осуществлена на практике в полном объеме»[111]. Но И. Л. Андреев выделил слишком важное положение данного акта: «Указом 1597 г. регулировалась менее всего разработанная сторона тогдашнего законодательства – сыск и судопроизводство»[112]. Однако, концепция В. А. Аракчеева о заповедных летах автоматически опровергает мнение Андреева, поскольку она построена именно на сыскных мероприятиях. По мнению Аракчеева, значение указа об “урочных летах” заключалось в том, что правительство подтвердило особый порядок разрешения конфликтов о крестьянах на почве частного владения населенными землями. Как и прежде, вотчинники и помещики должны были подавать иски, добиваться организации опроса «обыскных людей» и возвращения беглых по суду, причем крестьяне, бежавшие до 24 ноября 1592 г., сыску и возвращению не подлежали[113].

Итак, на основании краткого историографического обзора можно увидеть динамику изменения подхода в отечественной историографии относительно закрепостительной политики Московского государства в конце XVI века. Кроме того, можно проследить верность некоторых положений критики советской исторической литературы, которые были указаны Б. Н. Мироновым[114]. Основательным примером объективизма может послужить реконструкция

---

[109] Корецкий В. И. Из истории закрепощения крестьян в России в конце XVI – начале XVII вв. // История СССР, 1957, № 1, С. 161–191.

[110] Анпилогов Г. Н. К вопросу о законе 1592 – 1593 гг., отменившем выход крестьянам, и урочных летах // История СССР. 1972. №5. С. 161–165.

[111] Скрынников Р. Г. Россия накануне «смутного времени». М., 1985, С. 180

[112] Андреев И. Л. Урочные лета и закрепощение крестьян в Московском государстве // История СССР. 1982. № 1. С. 142–148.

[113] Аракчеев В. А. Проблема «урочных лет» в Русском государстве в конце XVI – начале XVII века // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2008. № 85. С. 31–37.

[114] См. Миронов Б. Н. Социальная история России. Т.1. СПб., 1999.

В. И. Корецкого, поскольку автору не удалось заглянуть вглубь проблемы, что позволило вписать ему реконструированную модель в общую концепцию поэтапного закрепощения.

2.4. Сущность закрепостительной политика Московского государства в конце XV–XVI вв. в контексте изменений экономической конъюнктуры

В работе уже высказывалась мысль о том, что статьи 57 и 88 Судебников 1497 и 1550 годов не являются следствием первого этапа закрепощения крестьян, а, скорее напротив, выступают характеристиками урегулирования внутренних социально-экономических отношений между тяглыми сословиями, с одной стороны, и относительно свободными, с другой; в этом смысле и государство, со своими регулярно повышающимися фискальными требованиями, также являлось крайне важным субъектом уже имеющихся и постоянно видоизменяющихся социальных отношений. Доказательством данному предположению служат регулярные жалованные грамоты великого князя о запрете на злоупотребления наместников, которые регулярно совершали дополнительные поборы с крестьян. Например, грамота Василия Ивановича на Вологду в 1527 году, в которой сказано: «и корму бы еси сь ихъ хрестьянъ и праведчикова побору не брали, и силы бъ имъ отъ тебя и отъ твоихъ людей никоторые не было», а далее в тексте идёт пометка о том, что «А прочетъ сю мою грамоту, отдавай имъ назадъ, и они её держать впередъ иныхъ для нашихъ праведчиковъ»[115]. Настоящая пометка позволяет понять то, что подобных примеров было много, поэтому люди великого князя регулярно напоминают наместникам об этом. Аналогичными являются грамоты от имени Ивана Грозного в 1541 и 1542 гг. Грамота 1541 года была направлена «околничему и наместнику нашему Ивану Семеновичю Воронцову», о том, что

[115] Грамота великаго князя Василія Ивановича на Вологду о запрещеніи брать съ крестьянъ Кириллова монастыря кормъ и другіе поборы. 1527 г., февраля 17 // Русская историческая библиотека, издаваемая Императорской Археографической комиссией. Т. 32. Архив П. М. Строева. Т. 1. Петроград, № 117. 1915. Стб. 194–195.

игумен Ферапонтова монастыря направил великому князю челобитную по поводу того, что наместник И. С. Воронцов вместе со своими служилыми людьми злоупотребляет своим положением и постоянно осуществляет незаконные поборы; решение великого князя было таковым: «И ты бъ игумена з братьею и ихъ людей и хрестьянъ черезъ нашу жалвалную грамоту не судилъ, и людемъ своимъ ихъ на поруки давати не велелъ, и не всылалъ къ нимъ ни по что, а ходилъ бы еси у нихъ о всемъ по тому, какъ вь ихъ жаловалной грамоте писано въ несудимой, опричь смесного суда»[116].

Несмотря на то, что подобного рода сюжетов можно найти огромное множество, весьма примечательным является дело № 279 того же тома издания «Русская историческая библиотека, которая издавалась Императорской археографической комиссией», поскольку оно содержит в себе несколько жалованных грамот разных эпох Валаамскому монастырю и царей Московского государства, а именно: Ивана Грозного, Фёдора Иоанновича, Бориса Федоровича, Михаила Федоровича и Алексея Михайловича. Приведем отрывок первой грамоты Ивана Васильевича «лета 7086-го году, іюня въ 18 день»:

«А сю жалованную грамоту далъ есми Валамьского монастыря игумену Никодиму з братьею, а велелъ есми держати впрокъ и велелъ есми у нихъ ходити о всемъ по тому, какъ въ сей нашей жалованной грамоте писано; а хто не учнетъ сея нашея жалованные грамоты слушать, или чемъ ихъ хто станетъ обидети, и тому отъ меня, царя и великого князя, быти въ великой опале и въ продажи»[117].

Суть приведенного отрывка повторяется из текста в текст. В связи с этим становится ясно, что проблема злоупотребления являлась крайне актуальной для Московского государства не только в XVI веке. Фактически, нормы, отраженные

[116] Грамота великаго князя Ивана Васильевича Белозерскому наместнику Воронцову о неподсудности ему братіи и крестьянъ Ферапонтова монастыря. 1541 г., января 21. // Русская историческая библиотека, издаваемая Императорской Археографической комиссией. Т. 32. Архив П. М. Строева. Т. 1. Петроград, № 145, 1915. Стб. 258–259.

[117] Жалованная грамота царя Ивана Васильевича Валаамскому монастырю объ освобожденіи монастырскихъ людей и крестьянъ отъ податей, повинностей и наместничья суда. 1578 г., іюня 18 // Русская историческая библиотека, издаваемая Императорской Археографической комиссией. Т. 32. Архив П. М. Строева. Т. 1, №279, Петроград, 1915. Стб. 552–558.

Судебником 1550 года, являлись актами подкрепления уже существующего стандарта в делах, связанных с повседневными противоречиями, возникающими между представителями различных социальных групп. И говорить исключительно о закрепостительной политике, вызванной классовыми противоречиями, о чём твердила идеологически индуцированная часть советской исторической литературы, или о духе «принуждения», который Валлерстайн с огромным желанием пытался найти в российской истории XVI века, не имеет смысла, поскольку сложившиеся социально-экономические отношения гораздо сложнее и многограннее, чем представляется на первый взгляд.

В этом же контексте идея В. А. Аракчеева также может быть подвергнута частичной критике по двум причинам. Во-первых, ссылки автора на Двинскую уставную грамоту 1397/98 годов и вторую Псковскую летопись, посвященной внутриполитической борьбе в Новгороде, по вопросу об интерпретации дефиниции «заповедь». Безусловно, логика и обоснованность идеи Аракчеева крайне актуальна в современной исторической литературе. Конечно, в Едровских грамотах, безотносительно к сопоставлению с другим источниковым материалом, понятие «заповедных» годов не имеет смысл трактовать в каком-либо значении. Однако, во многих источниках, применительно ко второй половине XVI века, термин «заповедь» имеет смысл трактовать именно как «запрет». Например, крайне неоднозначное по своему содержанию дело № 358 в сборнике «Акты юридические или собрание форм старинного делопроизводства» под названием «Заповедныя крестьянъ Тавренской волости, о неотправленiи работ по воскресным дням». Вот несколько случаев применения понятия «заповедь»: «крестьяне Тавреньсие волости Ильинского прихода, обговорились есмя промежъ собою, по благословенiю отца своего духовного Ильинского священника Ефрема Иванова сына, и учинили заповедь на три годы»; «И кто въ нашей въ Тавреньской въ волосте сю заповедь порушаетъ, станетъ въ воскресенiе Христово дело делати каково ни есть, что въ сей грамоте

написано, и доведуть его людми добрыми»[118]. Из приведенных отрывков становится отчетливо понятно, о каком смысле к конкретному применению слова идёт речь. Также следует отметить, что относительно исследуемого временного промежутка очень актуально использование слова в контексте «штрафа». Приведем несколько примеров: «Или кто станетъ яицы бити, и на томъ та же заповедь доправити восмь алтынъ» и «и на томъ справить заповеди четверть рубля на Государя Царя и Великого Князя Бориса Федоровича всея Руси»[119]; «ино съ него заповеди пропятенья два рубля: рубль намеснику, а рубль пятенщикомъ»[120]; «и имъ того померщикомъ не являти, а померщикомъ у нихъ съ того померного и заповедей не имати»[121].

При подобного рода обстоятельствах весьма сложно утверждать, что несколько случаев трактовки дефиниции «заповедь» как «розыск» является основополагающим фактором перемены теоретических осмыслений и обоснований в рамках поставленного вопроса. Однако, логика Аракчеева весьма примечательна в том смысле, что исследователь обратил внимание именно на сущность фискальной политики Московского государства. И автору было важно показать именно то, что обосновательная логика Аракчеева на этом не останавливается. Исследователь опирается на «заповедные грамоты» нижегородскому воеводе Бутурулину 1658 года и в этой связи делает акцент именно на направлении «розыскной политики» по челобитью землевладельцев. В этом смысле, автор объясняет также переходы крестьян в новгородских пятинах в 1580–90 годы[122], которые классической советской историографией считались «заповедными», то есть «запрещенными».

---

[118] Заповедныя крестьянъ Тавренской волости, о неотправленiи работ по воскресным днямъ. 1590 – 1598 // Акты юридические или собрание форм старинного делопроизводства. Изданы Археографической комиссией. № 358. СПб., 1838. Стб. 383–384.

[119] Там же. Стб. 383–384.

[120] Таможенная Белозерская грамота. 1497 г., мая 21 // Русская историческая библиотека, издаваемая Императорской Археографической комиссией. Т. 32. Архив П. М. Строева. Т. 1, №68, Петроград, 1915. Стб. 94–98.

[121] Белозерская таможенная грамота. 1551 г., iюля 20 // Русская историческая библиотека, издаваемая Императорской Археографической комиссией. Т. 32. Архив П. М. Строева. Т. 1. № 185. Петроград, 1915. Стб. 325.

[122] Аракчеев В. А. Власть и “земля”. М., 2014. С. 308.

Важно понимать то, что обозначается классической историографией теорией закрепощения крестьян, не выдерживает основательной критики по причине множества несоответствий многим взглядам исследователей (к примеру, те же крестьянские переходы в 80–90-х гг. XVI в.). И в этом контексте с огромной долей условности можно согласиться с высказыванием В. И. Корецкого о том, что «сравнение положения крестьян по Судебнику 1550 г. с их положением по закону от 24 ноября 1597 г … указывало на то, что … произошли изменения принципиального порядка, характеризовавшаяся повсеместной потерей крестьянами права выхода в Юрьев день»[123]. Ход рассуждений исследователя и его последователей предельно ясен. Авторы рассуждали согласно логике классического феодального принуждения, которое в последствии развития революционного потенциала и его становления, окончательно разрушается. Однако, подобный взгляд на социально-экономическую историю Московского государства является серьёзным упрощением. Безусловно, автор настоящей работы не настаивает на взгляде на историописание в духе Леопольда фон Ранке, в смысле раскрытие исторических закономерностей такими, «какими они были на самом деле». Однако, речь идёт о комплексном подходе в понимании различных формирующихся тенденций социально-экономической конъюнктуры, которые были актуальны применительно к Московии. Дело в том, что заповедные лета можно рассмотреть и в той системе значений, которая предлагается Аракчеевым. Однако, на наш взгляд, весьма сложно сводить всю систему социально-экономических отношений Московского государства в XVI веке к постоянному стремлению элиты увеличивать свои фискальные интересы. Безусловно, Аракчеев прав в вопросе того, что налоговое бремя регулярно повышалось и казне требовалось постоянно стимулировать податные группы населения. Но также важно отметить и другие факторы, которые повлияли как на систему отношений между тяглыми

[123] Корецкий В. И. Из истории закрепощения крестьян в России в конце XVI – начале XVII вв. // История СССР, 1957, № 1, С. 161.

и нетяглыми категориями населения, так и на экономическую конъюнктуру в целом.

В этом смысле можно воспользоваться объяснением Джерома Блума причин экономических катастроф 70–80-х гг. Дело в том, что Ливонская война не являлась первопричиной экономических сдвигов. В 50-х гг. набирает силу феномен регулярного переселения крестьян из главных торгово-экономических районов Московского государства. Данное явление набирает большие обороты как раз в период не самого удачного этапа 25-летней войны, то есть в 70–80-е гг.[124] И это очень важная мысль, в том смысле, что она подводит к проведению параллели между феноменом переселения и заповедными летами. И в этом контексте заповедные лета как раз стали именно государственным инструментом регулирования социально-экономических отношений между подданными. Аналогичными инструментами регуляции выступали уже описанные явления, постоянные жалованные грамоты великого князя о злоупотреблениях, а также система крестьянского отказа, содержащаяся в двух юридических актах. Все три перечисленных принципа регуляции отношений внутри государства как раз и были направлены на обеспечение регулярного пополнения казны, и в этом контексте раскрывается идея В. А. Аракчеева о фискальных приоритетах Московского государства.

Возвращаясь к актуальной для XVI века формуле, укладывающейся в следующей цитате: «« … И кто у нихъ въ томъ селце и въ деревняхъ и на селищахъ учнетъ жити людей, и наши наместницы Дмитровскіе и волостели и ихъ тіуни техъ ихъ людей не судятъ ни въ чемъ, опричь душегубства и розбоя съ поличнымъ, и кормовъ своихъ на нихъ не емлютъ и не всылаютъ къ нимъ ни по что, а праведчики и доводчики поборовъ своихъ на нихъ не берутъ и не въежжаютъ къ нимъ ни по что …»[125]; настоящая цитата является фрагментом

[124] Blum J. Prices in Russia in the Sixteenth Century // The Journal of Economic History, Vol. 16, No. 2 (Jun., 1956), P. 196–199.

[125] Грамоты жалованныя вотчинныя. V. Гр. ж. (Данная) Новинскому Спасопреображенскому монастырю на село, деревню и селища. 1554 – 1555// Акты, относящиеся до юридического быта Древней России. Изданы Археографической комиссией под редакцией члена комиссии

«данной грамоты» 1554–1555 гг. Подобного рода отрывки можно увидеть и в делопроизводственной документации за XV в. Например: «Чтобы есте в Нерехте въ монастырскых селех в Троцьскых не ставилися, ни кормов оу них не имали, ни подвод, ни гонци мои великог кнзя подвод бы оу ни не имали, опроч ратные вести, по сеи по моей грамоте ...»[126] (1425 – 1462). В настоящей работе уже приводились подобные примеры, которые имели своё выражение в XVI веке. И в этом контексте, продолжая рассуждения, следует отметить, что в рамках повседневных социальных практик различных категорий населения Московского государства было крайне актуально то, что в настоящей работе имеет смысл выделить как концепт «злоупотребления». Для последующих умозаключений весьма важно обозначить выделенный социальный феномен именно как концепт, поскольку «злоупотребление» используется совершенно на разных уровнях социально-политической системы государства. Сложно предполагать, почему именно это явление так часто встречается в актовых материалах XVI века. Вряд ли можно сказать, что речь идёт о реакции на сформированную на стыке веков норму Юрьева дня, поскольку в тексте уже приводился пример первой половины XV века. Поэтому данная проблема остаётся не решенной в рамках настоящей работы. Однако, следует отметить другую примечательную деталь, для рассмотрения которой сначала предлагается несколько цитат из исторических источников:

« … ни гонци мои великог кнзя подвод бы оу ни не имали, опроч ратные вести, по сеи по моей грамоте. А кто ся ослушает сее моей грамоты, быти от мене в казни»[127] (1425–1462).

Николая Калачова. Т. 1. №30. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1857. Стб. 82–84.

[126] Грамоты указныя. I. Грамота боярамъ, детямъ боярскимъ и дворянамъ о непритесненіи Нерехотскихъ селъ Троицкаго Сергіева монастыря. 1425 – 1462 года // Акты, относящиеся до юридического быта Древней России. Изданы Археографической комиссией под редакцией члена комиссии Николая Калачова. Т. 1. № 55. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1857. Стб. 251.

[127] Там же. Стб. 251.

« … чемъ ихъ хто станетъ обидети, и тому отъ меня, царя и великого князя, быти въ великой опале и въ продажи»[128] (1578).

Речь идёт о системе наказания за осуществленное злоупотребление. Если в XV в. обстановка с наказанием была крайне понятной: «быти от мене в казни», то с конца XV – начала XVI вв. ситуация меняется. Как правило, большая часть источников указывает на относительный характер санкций, то есть либо повествуется о «великой опале», либо наказание вообще отсутствует, а чаще всего встречается подобная пометка: «ихъ сужу язъ царь и великій князь». То есть в рамках фрагментов исторических источников, которые относятся к системе наказаний за определенного рода злоупотребление, отражающееся на социально-экономической ситуации тяглого населения, пропадает указание с определенной конкретикой относительно санкционирования провинившегося служилого человека. Данное событие является крайне актуальным в контексте настоящей исследовательской работы. Крайне сложно предполагать, по какой же причине так произошло. Безусловно, крайне опрометчивым было бы отмечать, что в рамках правозащитной системы относительно состояния тяглых категорий населения государство изменило структуру наказания под воздействием некой гуманизации. Настоящий тезис невозможно чем-либо подкрепить, к тому же, учитывая крайне многогранную организацию повседневных практик в XVI в. в Московском государстве, не представляется реальным обширное распространение предложенной тенденции. Поэтому настоящий тезис является не совсем логичным объяснением описанного феномена. Скорее решение проблемы содержится в рамках другого аспекта. Стоит обратиться к работе Мишеля Фуко, вернее к инаугурационной лекции в Коллеж де Франс, прочитанной им 2 декабря 1970 года, под названием «Порядок дискурса». Настоящая статья позволяет задать определенную теоретическую рамку для обоснования сложившегося феномена. Мишель Фуко утверждал, что в рамках

[128] Жалованная грамота царя Ивана Васильевича Валаамскому монастырю объ освобожденіи монастырскихъ людей и крестьянъ отъ податей, повинностей и наместничья суда. 1578 г., іюня 18 // Русская историческая библиотека, издаваемая Императорской Археографической комиссией. Т. 32. Архив П. М. Строева. Т. 1, №279, Петроград, 1915. Стб. 552–558.

эпистемологического поля формируется множество контекстов, представляющих собой ряд дискурсов. По мнению Фуко, «в любом обществе производство дискурса одновременно контролируется, подвергается селекции, организуется и перераспределяется с помощью некоторого числа процедур, функция которых – нейтрализовать его властные полномочия и связанные с ним опасности, обуздать непредсказуемость его события»[129], то есть производство дискурсов разного порядка обеспечивается определенного уровня исключениями, самым очевидным из которых является запрет, который создаёт определенную систему в рамках прав исключительности или привилегированности. И в этом контексте феномен и само понятие дискурса непосредственно связано с определенными властными отношениями, которые формируются весьма специфическим образом, посредством складывания и пересечения различного рода социальных отношений. Именно данный тезис и является основополагающим для настоящей работы, поскольку тот самый дискурс, связанный с властью и регуляцией, который имел своё проявление в контексте концепта злоупотребления, начинает трансформироваться под влиянием новых социальных, повседневных практик. Речь идёт о феномене, который уже был рассмотрен в настоящем исследовании, а именно о праве Юрьева дня, которое проявляется в социально-экономических отношениях на рубеже XV–XVI вв. под воздействием внешних факторов расширения территориальных границ государства и фискальной политики, а также актуализации феномена своза, в контексте которого право Юрьева дня как раз являлось в полном смысле слова именно «правом», поскольку являлось также урегулированием своего рода злоупотребления, но уже меньшего порядка. Но несмотря на формирование нового юридического права, само явление злоупотребления оставалось актуальным в самом широком смысле этого слова. Поэтому на рубеже веков происходит столкновение различных групп интересов, поскольку юридически социальные категории, выражающие эти самые

[129] Фуко М. Порядок дискурса // Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. М., 1996. С. 51.

интересы, сближаются посредством установления четкого инструментария обеспечения права крестьянского отказа.

Здесь следует отметить два основных вывода по этой части. Во-первых, именно столкновение различных групп потребностей, выраженных разнообразными социальными категориями, и стало причиной столь незаметного, на первый взгляд, поворота в области системы наказания служилых людей за злоупотребления, поскольку социальные практики усложняются и создают новый порядок дискурса, формирующего властные отношения. То есть речь идёт об отказе от ритуализированной части самого по себе дискурса, который проявлялся в традиционной мере наказания, а произошёл переход к формирующемуся отношению совокупности юридических норм по отношению к их референтам. В этом контексте обоснование подходит ко второму важному выводу. Дело в том, что право Юрьева дня было ответом на сложившуюся систему социальных отношений в контексте политической ситуации. Однако, оно перестало отвечать конъюнктурным требованиям, сложившимся во второй половине XVI в. Дело в том, что под влиянием экономических, демографических и других факторов сама социальная категория крестьянства начала видоизменяться, при том, что феномен злоупотребления не ослабевал, о чём свидетельствуют делопроизводственная документация и актовые материалы первой половины XVII века. В этом смысле происходит генезис уже существующих социальных и юридических практик в сторону становления какой-либо единой системы норм и прав для различных категорий населения и совокупности отношений между ними. То есть, относительно крестьян речь идёт о заповедных летах, которые стали некоторым промежуточным элементом в установлении единой юридической нормы поведения. А относительно служилых людей, продолжение ослабления системы наказания по проблеме злоупотреблений, поскольку эволюционирует законодательная практика по вопросам крестьян, а также потому что именно в это время начинает закладываться пенитенциарная система по отношению к служилым людям, практики которой позже будут перенесены и в Соборное Уложение 1649 года.

Однако, следует понимать, что властные отношения во второй половине XVI в. очень сложно вписать в единую социальную и юридическую систему, поскольку огромное значение оказал феномен опричнины, который относительно настоящей работы является второстепенным.

2.5. Генезис торгового капитала и основные элементы его реализации

Следует подчеркнуть ещё одну значительную деталь, которая способна вывести ход предложенных рассуждений на качественно иной уровень. Дело в том, что представленные уже в настоящей работе жалованные грамоты направлены в большей части на защиту монастырских вотчин. В Московском государстве именно монастыри играли важнейшую роль в становлении новой социально-экономической системы, которую частично имеет смысл характеризовать понятиями капиталистического миропорядка. Монастыри занимались очень активной торгово-экономической деятельностью. Ввиду генезиса торгово-рыночных операций и системы, обеспечивающей их осуществление как на территории Московского государства, так и за его пределами, владения монастырей регулярно пополнялись, преобразовываясь в крупный торговый капитал, эволюция которого приводила к деформациям социальных практик.

Монастыри и церкви регулярно становились объектами: 1) жалованных и «данных» грамот (Приложение № 2)[130], согласно которым они получали в своё владение всё новые земли; 2) купчих грамот, которые свидетельствовали о том, что священнослужители вместе с общиной покупали новые имения (Приложение № 3)[131]; 3) также монастырские земли крайне часто отмечались в

[130] Данныя (вкладныя) монастырямъ и церквамъ // Акты, относящиеся до юридического быта Древней России. Изданы Археографической комиссией под редакцией члена комиссии Николая Калачова. Т. 1. №63 (XV–XX). СПб., 1857. Стб. 449–455.

[131] Купчія на деревни и села съ принадлежностями // Акты, относящиеся до юридического быта Древней России. Изданы Археографической комиссией под редакцией члена комиссии Николая Калачова. Т. 2. № 147 (V – XXV). СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1864. Стб. 339–367.

льготных грамотах, которые обеспечивали свободу действий относительно развития сельского хозяйства, промыслов и относительно вопросов преумножения собственного капитала (Приложение № 4)[132]. Также помимо регулярно предоставляемых льгот, монастыри периодически награждались правом беспошлинной торговли на внутренних и внешних рынках. Например: «А коли съ чемъ пошлютъ на низъ въ судне до Суры или вверхъ съ какимъ товаромъ ни буди, или на возехъ, или что купятъ себе въ Новегороде въ Нижнемъ или на Суре, ино имъ съ того товару монастырского ненадобе мытъ, ни костки, ни явленое, ни гостиное, ни тамга, ни восмичее, ни весчее, ни померное, ни побережное, ни ваганное, ни на Суре караулное, ни детиное, ни делярное, ни иные никоторые пошлины»[133], при том, что пометка следующая за данным указанием следующая: «кто ихъ чемъ изобидитъ или что на нихъ возъметъ быти отъ меня отъ великого князя въ казни». То есть, подводя итог анализу приведённой источниковой базы, следует понимать, что монастырские, как правило, реже просто церковные владения, были крайне важным элементом в реализации и обороте торгового капитала в Московском государстве в XV–XVI вв.

Следует понимать, почему именно монастыри играли огромную роль в вопросе трансформаций экономических тенденций и социальных практик в Московском государстве. И в этом смысле стоит отметить, что монастыри в XVI веке, также, как и торговые люди, занимались активной торговой деятельностью. Приходно-расходные книги крупных монастырей показывают, что они регулярно посылали людей для торговли на крупных и часто далеких рынках, а также много покупали и продавали[134]. И в этом контексте именно

[132] Грамоты жалованныя льготныя. // Акты, относящиеся до юридического быта Древней России. Изданы Археографической комиссией под редакцией члена комиссии Николая Калачова. Т. 1. 31 (XXI–XXIV). СПб., 1857. Стб. 114–120.

[133] Гр. ж. на безпошлинную покупку и продажу товаровъ Нижегородскому Благовещенскому монастырю. 1473–1489 года // Акты, относящиеся до юридического быта Древней России. Изданы Археографической комиссией под редакцией члена комиссии Николая Калачова. Т. 1. № 32. СПб., 1857. Стб. 122–123.

[134] Маньков А. Г. Цены и их движение в Русском государстве XVI века. М.-Л.,. 1951. С. 26–30.

монастыри были крайне важными элементами реализации торгового капитала царя и собственного. Также весьма примечательна и мысль Аракчеева о приоритетах фискальной политики, поскольку одно положение дополняет другое и, напротив.

Для того, чтобы понять смысл описанных процессов и явлений, следует сделать небольшое отступление.

В данной работе уже говорилось о том, что в торговле с англичанами царь был по продаже воска и меха. Аналогично царь осуществлял свою экономическую деятельность и применительно к другим иностранным гостям. Однако, следует отметить, что существовали и внутренние гости, которые появились на территории русских земель ещё задолго до XVI века. Тем не менее, именно ввиду тех социально-экономических и политических трансформаций в Московском государстве в исследуемом столетии, фигуры внутренних гостей, то есть главной торговой элиты страны, крайне резко актуализировались. Торговое население государства активно занималось службой великому князю, то есть высшие категории представляли интересы государя, например, осуществляя торговлю пушниной. Такая служба называлась «целовальной». Очень часто гости выполняли роль посланников царя в западноевропейские государства, чтобы играть роль определенного посредника в торговле между Западом и Московией. Например, царская грамота 24 апреля 1567 года датскому королю Фредерику II с просьбой о беспрепятственном пропуске через территорию Датского королевства гостей, которые были посланы в Антверпен для покупки «некоторыхъ предметовъ для царскаго обихода». Приведем отрывок из данного документа: «Послали есмя до града Антропя своего гостя Ивана Офонасьева да купца Тимофея Смывалова. А съ ними послали есмя рухлядь своей казны, а велели есмя имъ во граде Антропе и въ тамошней стране купити къ нашей казне потребная», а завершает документ фраза: «Пріятелю нашему и суседу, Фредерику Второму, королю датцкому…»[135]. Безусловно, это не единичный

[135] Царская грамота къ датскому королю Фредерику II съ просьбою о безпрепятственномъ пропуске черезъ датскія владенія гостя и купца, посланныхъ въ Антверпенъ, для покупки

пример подобных посланий, которые можно найти не только датскому королю. Однако, именно этот крайне важен в контексте описанного геополитического союзничества, а также важная вставка – «въ тамошней стране купити къ нашей казне потребная». Понятен смысл того, что гости отправлены именно в Антверпен, поскольку этот город был крайне важной торгово-экономической точки Соединенных Провинций. И в этом контексте, важно понимать, что гости выступали именно как посредники реализации торгового капитала царя.

То есть, с одной стороны, государь активно сотрудничал и скорее даже направлял торговые слои населения на Запад для реализации собственных интересов (например, как отмечал М. Н. Покровский, Иван Грозный к 1560-м годам уже очень активно отправлял «своих гостей и купцов» для торговли в Антверпен, Персию и Англию[136]); но помимо этого, со временем, в контексте новых обстоятельств внутреннего экономического развития, а точнее ввиду феномена «самоколонизации», царю стала выгодна и внутренняя экспансия, примером чего может стать случай помощи Строгановым в освоении этого региона. Речь идёт об определенной грамоте 1590 года Федора Иоанновича, которая была направлена «Сольвычегодцамъ съ Коряжемскаго монастыря» об указании «выбрати въ Сибирь на житье тритдать человекъ пашенныхъ людей з женами и з детми, и со всеми ихъ животы», к тому же этим людям предоставлялась льгота в виде того, что «а на подмогу имъ велено дати по дватцати по пяти рублевъ человеку»[137]. Весьма показательный пример, с учётом того, что Строгановы фактически выполняли роль «управляющих» в становлении торгово-экономического потенциала региона.

некоторыхъ предметовъ для царскаго обихода. 1567 г., апреля 24 // Русская историческая библиотека, издаваемая Императорской Археографической комиссией. Т. 16. Русские акты Копенгагенского государственного архива, извлеченные Ю. Н. Щербачёвым. № 23. СПб., 1897. Стб. 91–92.

[136] Покровский М. Н. Очерк истории русской культуры. 4-е изд., Ч. 1. М., 1921. С. 109–110.

[137] Грамота царя Феодора 1оанновича въ Сольвычегодскъ Максиму и Никите Строгоновымъ о зачете следуемыхъ Сольвычегодцамъ съ Коряжемскаго монастыря подможныхъ денегъ Сибирскимъ переселенцамъ въ счетъ денегъ, перебранныхъ съ монастыря крестьянами Лузской Пермцы. 1590 г., мая 3 // Русская историческая библиотека, издаваемая Императорской Археографической комиссией. Т. 32. Архив П. М. Строева. Т. 1. № 345.Петроград, 1915. Стб. 666–669.

И в этом контексте следует обратиться к концепции «торгового капитализма» М. Н. Покровского. Исследователь сравнивал экономические условия и тенденции, которые были актуальны для западноевропейского региона и России, и пришёл к выводу, что первоначальные формы так называемого торгового капитала появились в Западной Европе в XI–XII вв., который, эволюционируя, привёл западный мир к эпохе торгового капитализма в XIV–XVI вв. Эта точка зрения сходна с позицией французского исследователя Жака Эрса, который полагал, что рождение капитализма произошло именно в средние века, что было обусловлено гегемонией городов-капиталистов в Северной Италии, а также на юге Франции (например, Марсель), что порождало появление крупных менял и ростовщиков, деятельность которых приводила к появлению многоуровневой системы договоров между различными элементами для осуществления простых сделок, которые вызывали огромное пространство для преумножение собственного капитала[138]. Относительно России, Покровский полагал, что в XV–XVI веках происходит столкновение феодальных отношений с капиталистическими, что привело к формированию крепостного права. По мнению ученого, если сравнивать плантации с помещичьими хозяйствами в Московском государстве, то назревает вывод о том, что помещичье хозяйство «есть явления капиталистического характера, а не феодального; это нечто, искусственно созданное капитализмом»[139]. Тем не менее, несмотря на высказанное положение, Покровский считал, что государство торгового капитализма в России не сложилось в Московском государстве даже к периоду Смуты[140]; и этого при условии того, что уже к этому времени в государстве огромную роль начинают играть полноценные субъекты самого торгового капитализма, который начинает приобретать в западноевропейских государствах

[138] Эрс Ж. Рождение капитализма в средние века: менялы, ростовщики и крупные финансисты. СПб., 2015.
[139] Покровский М. Н. Очерки по истории революционного движения в России XIX и XX вв. 2-е изд., М.-Л.: Гос. изд-во, 1927. С. 9.
[140] Покровский М.Н. Царизм и корни революции 1917 г. // Ежегодник Коминтерна: Справочная книга по истории международного рабочего, политического и профессионального движения, статистика и экономика всех стран мира на 1923 г. Пг.; М., 1923. С. 230–232.

уже абсолютно новые формы, а именно торговая элита[141]. Для понимания крайне важно представить саму суть торгового капитализма по Покровскому, а именно речь идёт о том, что данный феномен является, по сути, исключительно разложением феодального миропорядка и его заменой на капиталистический. К тому же, в процессе генезиса торгового капитала и появляется эпоха первоначального накопления капитала, которую исследователь понимал, как: «процесс экспроприации непосредственного производителя, теряющего свою землю и всё больше произведённого продукта»[142]. Именно данное экономическое явление и привело к крепостному праву в России, а также дало развитие торговому капитализму.

Логика Покровского представлена в самом сжатом в виде, однако автор работы попытался максимально точно отразить взгляды исследователя. Тем не менее, в таком контексте следует понимать, что крайне незначительная часть крупных помещиков, то есть по определению служилых людей, могла выбиваться на крупный рынок. Подтверждением данной гипотезы является непоследовательная политика Московского государства в вопросах закрепощения, а также те внутренние и внешние экономические трансформации, которые в первую очередь оказывали серьёзное влияние на цены сельскохозяйственной продукции, о чём свидетельствуют исследователи хлебных цен в XVI веке. К тому же, помимо непоследовательности в «политике закрепощения», также представляется важным отметить ещё и не существующую в XV – XVI вв. единую и объективную систему регуляции взаимоотношений между тяглыми категориями населения и служилыми, о чём говорилось в прошлом пункте настоящей работы. То есть, в таком случае, именно социальные практики создавали определенные прецеденты для изменения внутренней конъюнктуры. К тому же, следует понимать, что сама

[141] Володьков О. П. М. Н. Покровский о социальном содержании опричнины в связи с его концепцией торгового капитализма // Омский научный вестник. 2009. № 5(81). С. 44–47.
[142] Володьков О. П. Торговый капитализм и специфика революционного процесса в России в оценке М. Н. Покровского // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 5(25). С. 118.

экономическая система, которая к этому времени, как можно было убедиться из примеров, представляла весьма слаженный механизм, обеспечивающий регулярный оборот торгового капитала посредством элементов, реализовывавших его, то есть тремя главными субъектами, а именно: государем, монастырями и торговой элитой (то есть категорией населения – посадскими). Именно эта группа действующих рыночных субъектов, с одной стороны, приводила в жизнь механизм первоначального накопления посредством взаимодействия друг с другом (в отличии от взгляда Покровского, который делал упор на важнейшую роль в процессе первоначального накопления на помещиков), а с другой стороны, именно генезис торгового капитала в совокупности с отсутствием регулярной системы обеспечения общественного порядка, приводили к деформациям социальной конъюнктуры, которая под влиянием внешних факторов превратилась в систему закрепостительных процедур. И здесь мы подходим к разбору идеи Б. Ю. Кагарлицкого о том, что Россия включалась в мировую систему капиталистических отношений и разделения труда посредством юридического оформления крепостного права в России. Однако, как показывает российский опыт, так называемая политика «закрепощения», если таковой и являлась, то не была крайне последовательной и не преследовала какой-либо единой прагматичной цели. И в рамках предложенных рассуждений предлагается иной подход к поставленному вопросу.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исходя из поставленной проблемы в рамках настоящей работы, можно сделать вывод о том, что исследование носит характер «широкого» изучения выбранной тематики, которое подразумевает под собой разбор всевозможных факторов влияния на конъюнктурные сдвиги в сфере социально-экономического пространства развития мирового рынка в XVI веке. Такое понимание включает принципы классической трактовки направления «тотальной истории». Однако, ход работы показывает, что всевозможные интерпретации в контексте заявленного историографического принципа, как минимум, не совсем объективны, в самом широком понимании данного определения. Для того, чтобы более конкретно разобрать настоящий тезис, следует более детально пояснить основные выводы работы в контексте выбранного поля обоснований. Подразумевается то, что в работе был выбран не классический способ формального сравнения экономических показателей в различных по своему характеру регионах. Автор попытался подойти к достижению цели и решению задач с обратной стороны, а именно, рассмотреть скорее особенности генезиса социальной конъюнктуры: в Европе в контексте революции цен, а в России, отталкиваясь от самой тривиальной мысли о движущей роли закрепостительной политики в XVI в., осуществлено рассмотрение действующих социальных и повседневных практик, посредством которых возможно выстраивание модели детализации и пересмотра истории Московского государства.

В первую очередь, для того, чтобы совершить обобщение в рамках столь обширной тематики, следует вернуться к основным тезисам настоящей работы, которые важны для понимания эскалации капитализма в XVI в. относительно всего европейского континента.

Революция цен являла собой многогранный феномен социально-экономического развития. Существование классических интерпретаций не совсем легитимно в контексте современного поля социо-гуманитирных исследований, поскольку их положения связаны с трактовкой инфляционных

волн, как сугубо экономического феномена, возникшего под воздействием элементарных количественных факторов увеличения денежной массы на территории западноевропейских государств. При таком понимании вопроса единственным легитимным тезисом является то, что причиной революции цен является колонизаторская деятельность Испании и Португалии, а точнее, активная экспансия Нового Света и появление огромного количества источников драгоценных металлов. Однако, исследователями революции цен весьма убедительно доказана мысль о том, что гиперинфляционный сдвиг произошёл задолго до значительного ввоза «американского сокровища» на территорию европейского континента. Безусловно, с одной стороны, вполне актуальна позиция, утверждающая, что революция цен являлась следствием южно-немецкого бума в добыче серебра и меди, начавшегося в 1460-х гг., достигшего своего пика в 1530-х; а также крайне важный внешнеэкономический и геополитический фактор, а именно, структурные изменения в средиземноморской торговле в связи с османскими завоеваниями и снижением роли северных итальянских городов, которые были главными поставщиками восточных товаров в Европе до середины XV в. Тем не менее, данных факторов не совсем достаточно, поскольку они могли стать исключительно причиной ускорения генезиса такого сложносоставного феномена, как появление масштабного рынка свободно наёмного труда, который активно начал развиваться в большей части западноевропейских государств на рубеже XV–XVI веков. Активным примером может стать практика «огораживания» в Англии, а точнее её следствия, в том смысле, что стремление большего экспорта базового продукта сбыта отдельно взятого региона для преумножения торгового капитала, благодаря гегемонии самого этого торгового капитала. С другой стороны, само по себе это господство и освобождало, к примеру, копигольдеров от привычной работы, обеспечивая ситуацию кризиса, то есть некого перелома в социально-экономической конъюнктуре, создавая определенно новое пространство, которое заполнялось абсолютно новыми социальными практиками, легитимация которых проходила уже посредством свободного

договора исключительно найма. К тому же, следует понимать, что демографическая катастрофа середины XIV века также способствовала ускорению появления описанного феномена, который начал обретать абсолютно новую форму в контексте крушения старого миропорядка, обеспечивавшийся давними торговыми связями между регионами, а также базовыми экономическими регуляциями. И в этом контексте представляется крайне важным вывод о том, что революция цен есть продукт не только деформаций экономической базы, обеспечивающей стабильное состояние самой конъюнктуры весьма продолжительное время; важнее то, что эволюция социальных отношений и повседневных практик привела к абсолютно новому состоянию рынка, а именно тотальной гегемонии торгового капитала, которая в совокупности с различными типами взаимоотношений всех существовавших категорий населения стала причиной появления процесса «нормализации», ввиду развития капиталистических отношений, описанный Мишелем Фуко в его «Истории безумия в классическую эпоху».

На первоначальном этапе рассмотрения экономической ситуации в Московском государстве крайне важным было изучить именно формальные, сугубо экономические показатели, которые в представленном обзоре охватывали положение внешнеэкономических связей в конце XV–XVI вв., а также внутренние конъюнктурные тенденции актуальные для региона в целом и страны в частности в обозначенный временной промежуток. В предложенном поле исследования автор работы пришёл к выводу, что в рамках процесса становления единого Московского государства, оформление которого завершилось в годы правления Ивана III, страна выходит на абсолютно новый уровень внешней торговли, поскольку посредством завоевания Новгородской республики углубляется кризис Ганзейского союза, имевшего огромное влияние на континенте. К тому же, при использовании концепта базового продукта, становится понятно, что экспорт пушнины в сторону запада теряет свою актуальность под влиянием конкурента из северной части Европы. Тем не менее, российский рынок не становится менее привлекательным для европейских

предпринимателей и королей, которые именно в XVI в. начинают активную экспансию своего торгового капитала на территорию Московского государства. Именно активные взаимоотношения с англичанами играли крайне важную роль реализации и преумножения торгового капитала в государстве посредством активности элементов его обеспечения. Как раз важнее было именно рассмотрение внутренней конъюнктуры рынка, которая в первую очередь представлена ценовыми условиями и сдвигами. В этом смысле полученная позиция крайне неоднозначна, потому что, с одной стороны, круг исследовательской литературы по настоящему вопросу крайне ограничен, а с другой стороны, эмпирическая база не позволяет прийти к какому–либо единому выводу относительно ценовых деформаций. Рамки настоящего исследования крайне ограничены невозможностью получения именно обширной источниковой базы, ввиду ряда причин. Тем не менее, при анализе представленной литературы имеет смысл заключить следующее: пропорционально, относительно конца XVI в. и его начала, коэффициент ценового сдвига равняется (приблизительно) 4,5, что позволяет заключить о важных внутренних последствиях конъюнктуры рынка. Однако, при сопоставлении с коэффициентами западноевропейских государств (например, увеличение сгиба индекса потребительских цен: в Брабанте – 8,09, в Англии – 6,88, Испания – 4,95) представляется важным заключить, что ценовой подъём в Московском государстве в целом был гораздо ниже, с учётом того, что коэффициент 4,5 является показателем исключительно хлебных цен. Тем не менее, А. Г. Маньков утверждал, что влиянию революции цен подвергался российский рынок, поскольку пропорционально коэффициент роста цен в целом в 80-е гг. XVI в. в Московском государстве был гораздо выше, чем в странах Западной Европы. Однако, данные, охватывающие исключительно десятилетний промежуток времени, крайне сложно назвать показательными, поскольку не учитываются основные тенденции корреляции различных коэффициентов и специфика внутренних рынков.

При таком понимании вопроса сложно прийти к относительно цельному выводу исследуемой проблематики, поскольку существующие в распоряжении ученых данные и показатели крайне неполны и выборочны. И на такой эмпирической базе проблематично приводить общую картину происходящего. То есть, в рамках сугубо экономических показателей не представляется возможным разрешить поставленную проблему в рамках настоящей работы. Именно поэтому представляется актуальным обратиться к совершенно иному исследовательскому варианту. То есть, речь идёт о совершенно иной исследовательской стратегии, которая не сводится исключительно к тому, что поиск сходных черт сводится к тривиальному вычленению общего в рамках различных по своей составляющей экономических показателей. Напротив, предлагается стратегия решения проблемы в рамках сопоставления двух абсолютно непохожих, на первый взгляд, социальных системах. То есть, в контексте появления абсолютно полной системы европейского рынка свободного труда следует определить, чем же являлась социальная организация Московского государства в XVI в. В таком случае, в первую очередь, вполне справедливо рассмотрение тезиса Б. Ю. Кагарлицкого о включении России в капиталистическую миросистему посредством становления законодательного оформления крепостного права. А во-вторых, крайне важно при открывшийся основаниях переложить их на опыт и структуру регуляции и реализации торгового капитала в рамках сложившейся социальной иерархии.

Анализируя так называемую закрепостительную политику, следует отметить тот факт, что закрепление крестьян за помещиком не было единовременным актом. Этот тезис не является новаторским в исследовательской литературе. Однако, все предыдущие объяснения сводились, как правило, к обоснованию тезиса о росте крестьянской задолженности, закрепощению по этапам или стремлению обеспечить стабильность фискальной системы и интересов государства. Но данные обоснования не совсем легитимны. Все три предложенных тезиса, так или иначе, базируются на постулате существования абсолютно чёткого функционирования системы регуляции

социальных отношений. Тем не менее, в рамках данной работы, на примере анализа социальных практик повседневных отношений между различными субъектами государства, делается вывод о том, что несмотря на существование единой организованной иерархии общественного порядка, система регулярно трансформировалась. Подтверждением этому является рассмотренный концепт злоупотребления, который играл значимую роль в установлении границ некоторых полномочий различных категорий населений. К тому же, сам феномен злоупотреблений в том проявлении, в котором он существовал в Московском государстве, крайне актуален для общества капиталистического мироуклада при котором важную роль выполняют самые обычные проблемы столкновения различных интересов в условиях рынка. Кроме того, частичный отход от традиционных методов наказания, которые актуальны для феодального общества, является неотъемлимой характеристикой зарождения первоначальных предпосылок закладывания пенитенциарной системы нововременного характера.

В предложенном контексте рассуждений видится значимым также рассмотрение элементов организации торгового капитала и его движения. В условиях нерегулярной и неоднозначной системы взаимоотношений между крестьянами и землевладельцами, крайне сложно обосновать мысль о том, что помещики стали активными субъектами рынка, посредством деятельности которых Россия включается в систему капиталистического миропорядка. Безусловно, те социальные практики, которые в конечном итоге и привели к прикреплению крестьян за фигурами землевладельцев, в итоге и поспособствовали включению помещиков в сферу крупного рынка. Но этот процесс не характерен для XVI века, скорее речь может идти в этой логике о следующем столетии. Однако, при активной деятельности других субъектов торгового капитала, Московское государство, с одной стороны, осуществляет более быстрый переход к эпохе первоначального накопления капитала, а с другой, осуществляет более однозначную и последовательную политику по вопросу регуляции социальных взаимоотношений и повседневных практик, тем

самым, трансформируя их и испытывая зависимость в своих действиях. Именно в этом контексте следует согласиться с тезисом М. Н. Покровского о том, что «в Мономаховой шапке ходил по русской земле торговый капитал». Дело в том, что проанализированные акты относительно организации экономических ресурсов монастырей в первую очередь связаны с фигурой государя, поскольку огромное количество привилегий, которыми они располагали, были исключительно инициативой великого князя. Относительно торговых людей в историографии неоднократно отмечалось о преимущественно «целовальном» характере большей части крупных операций, которые ими производились. И в этом смысле имеет все основания утверждать, что в XVI веке складывается чёткая триада, обеспечивающая генезис торгового капитала, а именно: государь – монастыри (а также церкви, но как звено второго порядка) – торговые люди (как правило, представленные гостями или крупными купцами). Последние две категории в этом списке имеет смысл характеризовать, как «целовальные» или «назывные», поскольку характер их собственности был условный, в том смысле, что государь имел полное основание их её лишить.

В этом контексте, возвращаясь к поставленной во введении проблеме, следует заключить, что возможность влияния революции цен на экономическую конъюнктуру Московского государства была, причём крайне активная. Во-первых, это связано с геополитическими трансформациями в XV–XVI вв. Во-вторых, со сдвигами основных торгово-экономических путей и зон. И в-третьих, что является наиболее важным, сами капиталистические тенденции, которые активно функционировали в XVI веке в Европе, весьма стремительно проникали в социально-экономическую конъюнктуру Московского государства, с одной стороны, видоизменяя существующую систему взаимоотношений различных категорий населения России, а с другой, приобретая абсолютно новые черты, ввиду столкновения двух различных систем, тем самым создавая новые механизмы регуляции и прецеденты, возникающие при формировании новых условий.

Подводя итог проведенной работе, стоит остановиться на обосновательных вариациях, которые были представлены во введении в контексте рассуждений о методологической базе и принципах познания. Заявленная триллема Ханса Альберта, ставит актуальную проблему для всей области познания. Тем не менее, в контексте настоящей работы следует пояснить, что, имея ввиду концепт режима истины, любой продукт познания, в конечном итоге, упирается в проблему обоснования своей объективности и значимости. И в рамках данной работы читатель может обнаружить какие-либо проблемы в освещении того или иного вопроса, события или феномена. Также и полученные выводы основаны на первичном анализе различных объектов познания. Тем не менее, настоящее исследование имеет смысл включить в систему координат, заданную Хансом Альбертом. Из выявленных философом опций познания, автор руководствовался из принципов самой последней, а именно «регресс в бесконечность». То есть, фактически используется позиция так называемого инфинитизма, которая подразумевает мысль о том, что обоснование в рамках познания не должно быть прерванным, поскольку именно его бесконечность и является показателем актуальности того или иного знания. В таком смысле логична мысль о том, что скорее более значимым является постановка новой исследовательской стратегии, рассмотрение привычных вопросов с иной точки зрения. Данная работа основывается именно на этом принципе, поскольку влияние экономического феномена в XVI веке на конъюнктуру другого государства, с точки зрения формальных показателей, проследить не представляется возможным. Именно поэтому следовало обратить внимание на другие сферы организации конъюнктуры. В первую очередь, следовало обратить внимание на социальную систему Московского государства, рассмотрению которой была посвящена большая часть работы. Именно с такой позиции и осуществлялось рассмотрение разноуровневых конъюнктурных сдвигов всевозможных порядков. Таким образом, настоящая работа является, по большей своей части, исследованием в области постановки какой-либо проблемы и поиска стратегии её нетривиального решения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Источники

Актовые материалы

1) № 9. Жалованная грамота датскимъ купцамъ на строеніе дворовъ, церквей и на свободную торговлю въ Новгороде, Иваньгороде и въ другихъ местахъ. 1517 г., іюля // Русская историческая библиотека, издаваемая Императорской Археографической комиссией: в 40 т. – СПб.; Пг; Л., 1872–1927. – Т. 16. Русские акты Копенгагенского государственного архива, извлеченные Ю. Н. Щербачёвым. – СПб.: Товарищество «Печатая С. П. Яковлева». 1897. – Стб. 21–24.

2) № 30. Грамоты жалованныя вотчинныя. V. Гр. ж. (Данная) Новинскому Спасопреображенскому монастырю на село, деревню и селища. 1554–1555// Акты, относящиеся до юридического быта Древней России: в 3 т. / Изданы Археографической комиссией под редакцией члена комиссии Николая Калачова. – СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1857–1884. – Т. 1. 1857. – Стб. 82–84.

3) № 31. Грамоты жалованныя льготныя. (XXI–XXIV) // Акты, относящиеся до юридического быта Древней России: в 3 т. / Изданы Археографической комиссией под редакцией члена комиссии Николая Калачова. – СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1857–1884. – Т. 1. 1857. – Стб. 114–120.

4) № 32. Гр. ж. на безпошлинную покупку и продажу товаровъ Нижегородскому Благовещенскому монастырю. 1473–1489 года // Акты, относящиеся до юридического быта Древней России: в 3 т. / Изданы Археографической комиссией под редакцией члена комиссии Николая Калачова. – СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1857–1884. – Т. 1. 1857. – Стб. 122–123.

5) № 55. Грамоты указныя. I. Грамота боярамъ, детямъ боярскимъ и дворянамъ о непритесненіи Нерехотскихъ селъ Троицкаго Сергіева монастыря. 1425–1462 года // Акты, относящиеся до юридического быта Древней России.

Изданы Археографической комиссией под редакцией члена комиссии Николая Калачова: в 3 т. / Изданы Археографической комиссией под редакцией члена комиссии Николая Калачова. – СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1857–1884. – Т. 1. 1857. – Стб. 251.

6) № 63. Данныя (вкладныя) монастырямъ и церквамъ. (XV–XX) // Акты, относящиеся до юридического быта Древней России: в 3 т. / Изданы Археографической комиссией под редакцией члена комиссии Николая Калачова. – СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1857–1884. – Т. 1. 1857. Стб. 449–455.

7) № 117. Грамота великаго князя Василія Ивановича на Вологду о запрещеніи брать съ крестьянъ Кириллова монастыря кормъ и другіе поборы. 1527 г., февраля 17 // Русская историческая библиотека, издаваемая Императорской Археографической комиссией: в 40 т. – СПб.; Пг; Л., 1872-1927. – Т. 32: Архив П. М. Строева. Ч. 1. – Пг: Типография Главного Управления Уделов, 1915. – Стб. 194–195.

8) № 145. Грамота великаго князя Ивана Васильевича Белозерскому наместнику Воронцову о неподсудности ему братіи и крестьянъ Ферапонтова монастыря. 1541 г., января 21. // Русская историческая библиотека, издаваемая Императорской Археографической комиссией: в 40 т. – СПб.; Пг; Л., 1872-1927. – Т. 32: Архив П. М. Строева. Ч. 1. – Пг: Типография Главного Управления Уделов, 1915. – Стб. 258–259.

9) № 147. Купчія на деревни и села съ принадлежностями. (V–XXV) // Акты, относящиеся до юридического быта Древней России: в 3 т. / Изданы Археографической комиссией под редакцией члена комиссии Николая Калачова. – СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1857–1884. – Т. 2. 1864. – Стб. 339–367.

10) № 279. Жалованная грамота царя Ивана Васильевича Валаамскому монастырю объ освобожденіи монастырскихъ людей и крестьянъ отъ податей, повинностей и наместничья суда, 1578 г., іюня 18 // Русская историческая библиотека, издаваемая Императорской Археографической комиссией: в 40 т. –

СПб.; Пг; Л., 1872-1927. – Т. 32. Архив П. М. Строева. Ч. 1. – Пг: Типография Главного Управления Уделов, 1915. – Стб. 552–558.

11) № 345. Грамота царя Феодора Іоанновича въ Сольвычегодскъ Максиму и Никите Строгоновымъ о зачете следуемыхъ Сольвычегодцамъ съ Коряжемскаго монастыря подможныхъ денегъ Сибирскимъ переселенцамъ въ счетъ денегъ, перебранныхъ съ монастыря крестьянами Лузской Пермцы, 1590 г., мая 3 // Русская историческая библиотека, издаваемая Императорской Археографической комиссией: в 40 т. – СПб.; Пг; Л., 1872-1927. – Т. 32: Архив П. М. Строева. Ч. 1. – Пг: Типография Главного Управления Уделов, 1915. – Стб. 666–669.

Делопроизводственная документация

12) № 68. Таможенная Белозерская грамота. 1497 г., мая 21 // Русская историческая библиотека, издаваемая Императорской Археографической комиссией: в 40 т. – СПб.; Пг; Л., 1872–1927. – Т. 32: Архив П. М. Строева. Ч. 1. – Пг: Типография Главного Управления Уделов, 1915. – Стб. 94–98.

13) № 185. Белозерская таможенная грамота. 1551 г., іюля 20 // Русская историческая библиотека, издаваемая Императорской Археографической комиссией: в 40 т. – СПб.; Пг; Л., 1872-1927. – Т. 32: Архив П. М. Строева. Ч. 1. – Пг: Типография Главного Управления Уделов, 1915. – Стб. 320–328.

14) № 203. Отпись кн. Петра Борисовича Пожарскаго въ пріеме отъ казначея Спасскаго монастыря Нифонта жемчужнаго ожерелья и серегъ взаменъ данная на вотчину. 1557 г. // Русская историческая библиотека, издаваемая Императорской Археографической комиссией: в 40 т. – СПб.; Пг; Л., 1872–1927. – Т. 32: Архив П. М. Строева. Ч. 1. – Пг: Типография Главного Управления Уделов, 1915. – Стб. 425–426.

15) № 358. Заповедныя крестьянъ Тавренской волости, о неотправленіи работ по воскресным дням, 1590–1598 // Акты юридические или собрание форм старинного делопроизводства / Изданы Археографической комиссией. – СПб.: Типография II-ого отделения собственной Е. И. В. Канцелярии, 1838. – Стб. 383–384.

Юридические акты

16) Статья 57 Судебника 1497 г. О христьанском отказе // Хрестоматия по истории СССР. Т.1. С древнейших времен до конца XVII века. – М.: Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства просвещения РСФСР, 1951. – С. 286.

17) Статья 88 Судебника 1550 г. // Хрестоматия по истории СССР. Т.1. С древнейших времен до конца XVII века. – М.: Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства просвещения РСФСР, 1951. – С. 326.

Дипломатические акты

18) № 23. Царская грамота къ датскому королю Фредерику II съ просьбою о безпрепятственномъ пропуске черезъ датскія владенія гостя и купца, посланныхъ въ Антверпенъ, для покупки некоторыхъ предметовъ для царскаго обихода. 1567 г., апреля 24 // Русская историческая библиотека, издаваемая Императорской Археографической комиссией: в 40 т. – СПб.; Пг; Л., 1872–1927. – Т. 16. Русские акты Копенгагенского государственного архива, извлеченные Ю. Н. Щербачёвым. – СПб.: Товарищество «Печатая С. П. Яковлева». 1897. – Стб. 91–92.

Монографии

19) Алексеев Ю. Г. Судебник Ивана III: традиция и реформа. – СПб., 2001. – 446 с.

20) Альберт Х. Трактат о критическом разуме / Пер. с нем., вступит. Ст. и примеч. И. З. Шишкова. – М.: Едиториал УРСС, 2003. – 264 с.

21) Аракчеев В. А. Власть и «земля»: Правительственная политика в отношении тяглых сословий в России второй половины XVI–начала XVII века. – М.: Древлехранилище, 2014. – 512 с.

22) Бродель Ф. Динамика капитализма. – Смоленск: Полиграмма, 1993. – 124 с.

23) Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. Т. 1: Структуры повседневности. – М.: Прогресс, 1986. – 623 с.

24) Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. Т. 2: Игры обмена. – М.: Прогресс, 1988. – 632 с.

25) Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. Т. 3. Время мира. – М.: Издательство «Весь мир», 2007. – 752 с.

26) Валлерстайн И. Миросистемный анализ: Введение / пер. Н. Тюкиной. – М: Издательский дом «Территория будущего», 2006. – 248 с.

27) Валлерстайн И. Мир-система Модерна. Капиталистическое сельское хозяйство и истоки европейского мира-экономики в XVI веке. Т. 1. / Предисл. Г. М. Дерлугьяна, пер. с англ., литер, редакт., комм. Н.Проценко, А. Черняева. – М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2015. – 552 с.

28) Володьков О. П. Концепция торгового капитализма М. Н. Покровского в советской исторической науке (1918–1932 гг.). – Омск: Изд-во Омского гос. ун-та, 2011. – 567 с.

29) Володьков О. П. Проблемы торгового капитализма в работах М. Н. Покровского конца 1890-х-1917 гг.: диссертация кандидата исторических наук: 07.00.09. – Омск, 2002. – 338 с.

30) Восточное серебро. Атлас древней серебряной и золотой посуды восточного происхождения, найденной преимущественно в пределах Российской Империи. Издание Императорской Археологической комиссии ко дню пятидесятилетия её деятельности. № 49, № 90. СПб., 1909.

31) Говорков А. А. М. Н. Покровский о предмете исторической науки. – Томск: Издательство Томского университета, 1976. – 264 с.

32) Греков Б. Д. Главнейшие этапы в истории крепостного права в России. – М.-Л.: Гос. соц.-экон. изд-во, 1940. – 114 с.

33) Гуревич А. Я. Исторический синтез и Школа «Анналов». 2-езд., доп и испр. – М.-СПб.: Центр гуманитарных инициатив, Университетская книга, 2014. – 432 с.

34) Данн Ричард С. Эпоха религиозных войн. 1559–1689/ Пер. с англ. Е. О. Владимирцевой. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2011. – 287 с.

35) Зарецкий Ю. П. Стратегии понимания прошлого: Теория, история, историография. – М.: Новое литературное обозрение, 2011. – 384 с.

36) Зимин А. А. В канун грозных потрясений: Предпосылки первой Крестьянской войны в России. – М.: Мысль, 1986. – 331 с.

37) Кагарлицкий Б. Ю. Периферийная империя: циклы русской истории. – М.: Алгоритм, Эксмо, 2009. – 576 с.

38) Кауфман И. И. Серебряный рубль в России от его возникновения до конца XIX века. – СПб.: тип. Б.М. Вольфа, 1910. – 268 с.

39) Ключевский В. О. Русский рубль XVI–XVIII вв. в его отношении к нынешнему (Опыт определения меновой стоимости старинного рубля по хлебным ценам). – М.: Имп. О-во истории и древностей рос. При Моск. Ун-те, 1884. – 74 с.

40) Корецкий В. И. Закрепощение крестьян и классовая борьба в Россия во второй половине XVI в. – М., 1970. – 366 с.

41) Косминский Е. А. Проблемы английского феодализма и историографии средних веков. – М.: Издательство Академии наук СССР. 1963. – 455 с.

42) Ле Гофф Жак. Средневековье и деньги: очерк исторической антропологии / Пер. с франц. М. Ю. Некрасова. – СПб.: ЕВРАЗИЯ, 2010. – 224 с.

43) Ле Гофф Жак. Цивилизация средневекового Запада / Пер. с фр. под общ. ред. В. А. Бабинцева; Послесл. А. Я. Гуревича. – Екатеринбург: У-Фактория, 2005. – 560 с.

44) Магидович И.П., Магидович В.И. История открытия и исследования Европы. – М.: Мысль, 1970. – 456 с.

45) Маньков А. Г. Цены и их движение в Русском государстве XVI века. – М.-Л.: Издательство Академии наук СССР. 1951. – 273 с.

46) Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): Генезис личности, демократ. семьи, гражд. о-ва и правового государства. Т. 1. – СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. – 547 с.

47) Покровский М. Н. Очерк истории русской культуры. 4-е изд., Ч.1, – М.: Госиздат, 1921. — 283 с.

48) Покровский М. Н. Очерки по истории революционного движения в России XIX и XX вв. 2-е изд. – М.-Л.: Гос. изд-во, 1927. – 200 с.

49) Пономарёв А., Турова Е. Серебряный след. Новгород–Вятка–Пермь. – Вятка, Лобань. – 2006. – 103 с.

50) Рожков Н. А. Сельское хозяйство Московской Руси в XVI веке. – М.: Университетская типография Московского университета, 1899. – 511 с.

51) Скрынников Р. Г. Борис Годунов. – М.: Наука, 1979. – 192 с.

52) Скрынников Р. Г. Россия накануне «смутного времени». – М.: Мысль, 1985. – 206 с.

53) Скрынников Р. Г. Россия после опричнины: Очерки полит. и социальной истории – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1975. – 223 с.

54) Тарле Е. В. Очерки истории колониальной политики западноевропейских государств (конец XV – начало XIX в.). – М.-Л.: Наука, 1963. – 427 с.

55) Татищев В. Н. История Российская. Т. VII. – Л.: Наука, 1968. – 483 с.

56) Хархордин О. Основные понятия российской политики. – М.: Новое литературное обозрение, 2011. – 328 с.

57) Хорошкевич А. Л. Торговля Великого Новгорода с Прибалтикой и Западной Европой. – М.: Наука, 1963. – 368 с.

58) Шапиро А.Л. Русское крестьянство перед закрепощением (XIV–XVI вв.) – Л.: Изд-во ЛГУ, 1987. – 254 с.

59) Эрс Ж. Рождение капитализма в средние века: менялы, ростовщики и крупные финансисты. Пер. франц. Некрасов М. Ю. – СПб.: ЕВРАЗИЯ, 2015. – 320 с.

60) Attman A. The Russian and Polish Markets in International Trade, 1500–1650. – Goteborg: Gothenburg University, 1973. – 232 p.

61) Chaunu Pierre. European expansion in the later Middle Ages. – Amsterdam: North Holland Publishing. 1979. – 326 p.

62) Contamine P., Bompaire M., Lebeeq S., Sarrazin J.-L. L'economie medievale. 3eme edition. – Paris: A. Colin, 2003. – 447 p.

63) Finkelstein A. The grammar of profit: the Price Revolution in intellectual context. – Leiden-Boston: Brill, 2006. – 374 p.

64) Greif A. Institutions and the Path to the Modern Economy: Lessons from Medieval Trade. – Cambridge: Cambridge University Press, 2006. – 503 p.

65) Hamilton E. J. American Treasure and the Price Revolution in Spain, 1501–1650. – Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press, 1934. – 428 p.

66) Knoop D., Peredur G. J. The mediaeval mason: an economic history of English stone building in the later middle ages and early modern times. – Manchester: Manchester University Press. 1933. – 294 p.

67) Lyashchenko P. I. History of the National Economy of Russia to the 1917 Revolution. – New York: Macmillan, 1949. – 880 p.

68) Slicher van Bath B. H. The Agrarian History of Western Europe, A.D. 500–1850. – New York: St. Martins, 1963. – 364 p.

69) Willan T. S. The early History of the Russia Company. 1555–1603. – Manchester: Manchester Press, 1956. – 284 p.

Статьи.

70) Андреев И. Л. Урочные лета и закрепощение крестьян в Московском государстве // История СССР. 1982. № 1. С. 142–148.

71) Анпилогов Г. Н. К вопросу о законе 1592 – 1593 гг., отменившем выход крестьянам, и урочных летах // История СССР. 1972. №5. С. 161–165.

72) Аракчеев В. А. Проблема «урочных лет» в Русском государстве в конце XVI – начале XVII века // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2008. № 85. С. 31–37.

73) Аракчеев В.А. Крестьянские переходы по судебникам и происхождение пожилого // Вестник Новгородского Государственного Университета. №51. 2009. С. 5–8.

74) Баранов К. В. Новые документы по истории новгородской и псковской служилых корпораций XVI – начала XVII в. // Русский дипломатарий. – М., 1999. Вып. 5. С. 118–159.

75) Бунько В.А. Налоговая политика Московского государства и крепостное право // Проблемы и пути социально-экономического развития: город, регион, страна, мир. – СПб., 2015. С. 74–85.

76) Валлерстайн И. Структурный кризис, или Почему капиталисты могут считать капитализм невыгодным // Есть ли будущее у капитализма? – М.: Изд-во Института Гайдара, 2017. С. 25.

77) Володьков О. П. М. Н. Покровский о социальном содержании опричнины в связи с его концепцией торгового капитализма // Омский научный вестник. 2009. № 5(81). С. 44–47.

78) Володьков О. П. Торговый капитализм и специфика революционного процесса в России в оценке М. Н. Покровского // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 5(25). С. 118–121.

79) Кистерев С.Н. Исковая давность в древнерусских юридических памятниках // Россия и Христианский Восток / Рос. акад. наук. – М.: Индрик, 1997. Вып. 1. С. 86–100.

80) Корецкий В. И. Из истории закрепощения крестьян в России в конце XVI – начале XVII вв. // История СССР. 1957. № 1. С. 161–191.

81) Корецкий В. И. Новгородские дела 90-х годов XVI в. со ссылками на неизвестные указы царя Фёдора Ивановича о крестьянах // Археографический ежегодник за 1966 год. – М., 1968. С. 306–325.

82) Макарова Н. И. Французские теоретики денег о революции цен // Идеи и идеалы. – Новосибирск, 2016. С. 61–69.

83) Панеях В. М. Закрепощение крестьян в XVI в.: новые материалы, концепции, перспективы изучения // История СССР. 1972. № 1. С. 157–165.

84) Покровский М.Н. Царизм и корни революции 1917 г. // Ежегодник Коминтерна: Справочная книга по истории международного рабочего,

политического и профессионального движения, статистика и экономика всех стран мира на 1923 г. Пг.-М., 1923. С. 232–248.

85) Скрынников Р.Г. Заповедные и урочные годы царя Федора Иоановича // История СССР. 1973. № 1. С. 99–129.

86) Тимофеев Н. В. Крестьянские выходы конца XVI в. // Исторический архив. Т. II. М.-Л., 1939. С. 61–91.

87) Федоров Г.Б. Деньги Московского княжества времени Дмитрия Донского и Василия I (1359–1425) // Материалы и исследования по археологии Москвы. Том II / Материалы и исследования по археологии СССР; № 12. М.-Л., 1949. С. 148–185.

88) Фуко М. Порядок дискурса // Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет – М., Касталь, 1996. – 448 с.

89) Черепнин Л. В. М. Н. Покровский и его роль в развитии советской исторической науки. [Электронный ресурс] // Очерки исторической науки в СССР. 1966. // Покровский Михаил Николаевич. Историк, революционер, общественный деятель. Электрон. дан. [Б. м.]. URL: http://pokrovsky.newgod.su/research/pokrovskij-i-ego-rol-v-razvitii-sovetskoj-istoricheskoj-nauki/ (дата обращения: 25.03.2018).

90) Blum J. Prices in Russia in the Sixteenth Century // The Journal of Economic History, Vol. 16, № 2. – Cambridge: Cambridge University Press, P. 182–199.

91) Braudel F. Quest-ce que le XVIe siècle? // Annales E.S.C., Volume VIII, Issue 1. 1953. – Paris: EHESS, P. 69–73.

92) Gerschenkron A. Review Article. Lord and Peasant in Russia from the Ninth to the Nineteenth Century // The Journal of Economic History, Vol. 24, No. 1. – Cambridge: Cambridge University Press, 1964. P. 53–59.

93) Goldstone Jack A. Monetary Versus Velocity Interpretations of the Price Revolution. // Journal of Economic History. Volume 51, Issue 1. – Cambridge: Cambridge University Press, 1991. P. 176–181.

94) Hamilton Earl J. American Treasure and the Rise of Capitalism // Economica. Volume IX, №27. – London: Wiley-Blackwell, 1929. P. 338–357.

95) Munro J. H. The Monetary Origins of the Price Revolution: South German Silver Mining, Merchant-Banking, and Venetian Commerce, 1470–1540 // Connections and Monetary History, 1470–1800. – Aldershot, Brookfield: Ashgate Publishing, 2003. P. 1–34.

96) Munro J. H. Money, prices, wages, and 'profit inflation' in Spain, the Southern Netherlands, and England during the Price Revolution era, ca. 1520 – ca. 1650. // História e Economia: Revista Interdisciplinar. Vol. 4, No. 1. – São Paulo: Brazilian Business School, 2008. P. 13–71.

97) Phelps-Brown E.H., Hopkins Sheila V. Wage-Rates and Prices: Evidence for Population Pressure in the Sixteenth Century // Economica, XXIV, No. 96. – London: Wiley-Blackwell, 1957. P. 289–306.

98) Slicher van Bath B. H. The Rise of Intensive Husbandry in the Low Countries // Britain and the Netherlands. Volume 1. – London: Chatto, 1960. P. 130–153.

99) Willan T. S. Trade between England and Russia in the Second Half of the Sixteenth Century // English Historical Review, Vol. 63, No. 248. – Oxford: Oxford University Press, 1948. P. 307–321.

Учебная литература.

100) Кагарлицкий Б. Ю., Сергеев В. Н. Введение. История России: миросистемный анализ: Учебное пособие. Изд. 2-е. – М.: ЛЕНАНД. 2014. – 432 с.

101) Ключевский В. О. Русская история: Полный курс лекций. В трех книгах. Книга 2. – Ростов н/Д.: Изд-во «Феникс», 1998. – 608 с.

102) Могильницкий Б.Г. История исторической мысли XX века: Курс лекций. Вып. II: Становление "новой исторической науки". – Томск: Изд-воТом. ун-та, 2003. – 178 с.

103) Шевцов В. В. Историческая метрология России: Учебное пособие. – Томск: Изд-во «ТМЛ-Пресс», 2007. – 280 с.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение № 1. Показатели индекса потребительских цен

Годы	Индекс потребительских цен			
	Испания (по серебру)	Испания (по биллону; с конца XVI в.)	Англия	Брабант
1501-1505	92,43	92,43	101,43	104,43
1506-1510	107,57	107,57	98,57	95,57
1511-1515	98,98	98,98	103,08	114,80
1516-1520	104,28	104,28	114,40	125,09
1521-1525	122,14	122,14	138,72	149,79
1526-1530	131,57	131,57	149,45	148,61
1531-1535	132,44	132,44	147,83	144,85
1536-1540	138,73	138,73	144,69	154,54
1541-1545	147,90	147,90	167,69	173,44
1546-1550	165,89	165,89	218,12	166,01
1551-1555	176,02	176,02	261,63	216,87
1556-1560	194,01	194,01	299,99	250,34
1561-1565	223,43	223,43	274,80	261,34
1566-1570	227,73	227,73	277,68	264,97
1571-1575	246,77	246,77	281,24	352,49
1576-1580	247,82	247,82	319,61	400,18
1581-1585	269,07	269,07	320,58	513,98
1586-1590	274,97	274,97	367,74	665,77
1591-1595	284,42	284,42	395,14	573,01
1596-1600	320,97	320,98	513,42	626,80
1601-1605	349,92	352,43	438,12	509,74
1606-1610	330,11	335,31	472,06	512,71
1611-1615	316,81	322,68	506,11	529,56
1616-1620	328,56	335,64	494,28	521,93
1621-1625	317,85	344,72	503,14	679,09
1626-1630	328,04	410,81	498,72	765,57
1631-1635	329,91	395,13	577,86	756,32
1636-1640	323,47	409,67	584,26	805,55
1641-1645	313,50	432,48	532,37	821,78
1646-1650	343,36	457,09	697,54	845,07

Приложение № 2. Данные грамоты[143].

XV. *1479 – 1516 года. Данная на сельцо Темниково и деревню Лучниково съ принадлежностями Іосифову Волоколамскому монастырю.*

Се яз Андре Даниловичь дал есм … дом Прчстои игумену Иосифу з братьею, или хто по нем иныи игумен будеть, свое сельцо Темниково да деревню Лучниково, со всем с тем, что х тому селцю и к деревне потягло истарины, да и луги, по своей по купчей грамоте, по своемъ отце да и по своей матери да и по себе: поминати им оца моего и матерь мою и меня по моем животе в повсядневном поминанье, доколе и монастырь Прчстые стоитъ; а кормити им по нас по отце по моем и по матери по моей и по мне з году на год два корму, доколе монастырь Прчстые стоитъ. А на то послуси: Василеи Федорович Полев да снъ его Иван Полев. А сюю грамоту писал снъ мои Федоръ; а запечатал своею печатью есми, А держати ми то сельцо за собою до своего живота.

XVI. 1533 – 1534. Данная на деревню Старое Жабино Некрасу Глебову, съ неотчужденіемъ ея помимо Успенской соборной церкви и митрополита.

Се язъ Неклюдъ Семеновъ сынъ Якшиловъ, что моя деревенка Старое Жабино Борисовское, что есми выменилъ у Ивана у Терехова сына Окулова его отчинку въ Московскомъ уезде, въ Быкова стану, въ митрополиче волости въ Селцахъ, и язъ Неклюдъ тою деревенкою благословилъ и далъ своего племянника Некраса Ондреева сына Глебова, а далъ есми ему и его детемъ въ прокъ со всемъ, что къ той деревни потягло изъ старины; а будетъ имъ не до земли, и имъ тое деревенки мимо дома Пречистые и митрополита ни продати, ни променити, ни въ холопи съ нею не датися безъ митрополича ведома. А сю даную писалъ язъ Неклюдъ своею рукою, лета 7040 втораго.

[143] Источник: № 63. Данныя (вкладныя) монастырямъ и церквамъ. (XV–XX) // Акты, относящиеся до юридического быта Древней России: в 3 т. / Изданы Археографической комиссией под редакцией члена комиссии Николая Калачова. – СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1857–1884. – Т. 1. 1857. Стб. 449–455.

XVII. 1549 Февраля 9. Данная на село Кузминское съ деревнями Симонову монастырю.

Се язъ царя и великого князя бояринъ и дворецкой Данило Романовичь Юрьевъ, да язъ Петръ Петровичь Головинъ, по духовной грамоте и по приказу Ивана Дмитреевича Володимерова, дали есмя въ домъ Пречистой на Симановъ его куплю, село Кузминское съ деревнями, въ Юрьевскомъ уезде, въ Николскомъ конце, по отца его душе и по братьи его душахъ, по Федорове да по Олексееве, и по его душе, и по детехъ его душахъ, архимандриту Трифону съ братьею, да келарю Пафнотью, да казначею Феодосью, и всемъ старцомъ въ прокъ, съ луги, и съ лесы, и съ пожнями, и съ пруды, и съ перевесьи, и со всеми угодьи, куды изъ того села и изъ деревень плугъ и соха и коса и топоръ ходилъ, и со всемъ съ темъ, что къ тому селу и къ деревцямъ изстари потягло, и въ своей духовной грамоте Иванъ Дмитреевичь къ Пречистой въ домъ на Симановъ то село съ деревнями написалъ архимандриту Трифону съ братьею. И архимандриту Трифону съ братьею, или кто по немъ у Пречистые на Симанове иный архимандритъ будетъ, поминати во вседневномъ списка и въ вечномъ сенаникй Иванова отца Дмитрея, и матерь Иванову, и его братью Федора и Олексея, и самого Ивана, и детей его, доколе и манастырь Пречистые стоитъ, а изъ списка имъ ихъ не выгладити; да быти по нихъ корму на ихъ преставленья и на памяти. А у даной грамоты сиделъ Ивана Дмитреевича отецъ духовной, Арханьилской протопопъ Семіонъ. А на то послусіи: Борисъ Васильевичь Дятловъ, да Иванъ Юрьевичь Грязного, да Василей Якимовъ сынъ Сиверовъ. Къ сей даной грамоте, по духовной грамоте, приказщики, язъ бояринъ и дворетцкой Данило Романовичь печать свою приложилъ, а язъ Петръ Петровичь руку свою приложилъ. А даную грамоту писалъ подьячей Некрасъ Никифоровъ сынъ Доводчыкова, лета 7050 седмаго, февраля въ 9 день.

XVIII. 1557 – 1558 года. Данная на село Сабурово съ деревнями Успенской соборной церкви, въ Москве.

Се язъ Ографена Иванова жена Григорьевича Морозова дала есми въ домъ пречистые Богородицы честнаго и славного ея Успенія, что болшая церковь

соборная, на Москва, въ старомъ городе, и святымъ великимъ чюдотворцомъ Петру и Олексею и Іоне, митрополитомъ Кіевскимъ и всеа Русіи, и господину преосвещенному Макарію, митрополиту всея Русіи, по своемъ муже по Иване Григорьевиче Морозова, а во иноцехъ по Іоне, и по своемъ сыне по Семіоне, и по всему, ихъ роду, и по себе, и по всему своему роду, душамъ ихъ на поминокъ въ наследіе вечныхъ благъ, въ прокъ, безъ выкупа, по духовной грамоте государя мужа своего Ивана Григорьевича, а. во иноцехъ Іоны, въ Московскомъ уезде, въ Горетовскомъ стану, село Сабурова, а въ немъ церковь Воскресеніе Господа Бога и Спаса нашего Исуса Христа, съ деревнями, а деревень въ селу: деревня Горяиновская, деревня Кобылина, деревня Кусаково, деревня Онкудинова, деревня Бабина, деревня Манухина, деревня Богданова, деревня Одинцова, деревня Новой Починокъ, деревня Михайлова, деревня Просяное, деревня Гаютина, деревня Володина, деревня Поляны, деревня Жегалова, деревня Санникова, и съ пустошми, и съ лесы, и съ луги, и съ пожнеми, и со всеми угодьи, куды изъ того села и изъ деревень плугъ и соха и коса и топоръ ходила, и со всемъ съ темъ, что къ тому селу и къ деревнямъ и къ пустошамъ изстари потягло; и господину преосвященному Макарію, митрополиту всеа Русіи, или кто по немъ иные митрополиты будутъ, темъ селомъ и деревнями и пустошми и селищи и всякими угодьи после моего живота Ографенина владети, а при моемъ животе Огрофенине господину преосвященному Макарію, митрополиту всеа Русіи, или господамъ моимъ инымъ митрополитамъ, въ те села и въ деревни не вступатися; а после моего живота Ографенина господинъ мой Макарей, митрополитъ всеа Русіи, или по немъ господа мои иные митрополиты будутъ, ино имъ то село и съ деревнями и съ селищи и всякіе угодья держати въ дому пречистые Богородицы и святыхъ чюдотворцовъ Петра и Іоны въ прокъ безъ выкупа; а не продастъ, не променитъ, ни отдастъ никому, занежъ дала есми то село и деревни и селища и со всякими угодьи по своемъ муже по Иване, и по сыне по Семіоне, и по себе, и по всему своему роду душамъ на поминокъ; а крепости есмя у чюдотворца Петра на раке положила, по чему мужъ мой Иванъ и сынъ нашь Семіонъ и язъ Ографена темъ селомъ и дерево нами и селищи владели, и Мокарей митрополитъ тое

крепость съ чюдотворцова гроба велелъ взяти въ казну и держати тое крепость съ сею даною вместе въ прокъ безъ выкупа. А у даной сидели: отецъ духовной мужа моего Ивана Григорьевича Морозова, бывшей протопопъ Благовещенской, Яковъ, а во иноцехъ Іосифъ, да мой Ографенинъ отецъ духовной, Богоявленской игуменъ Феодосей; а запечатала духовную язъ Ографена своею печатью. А на то послуси: Захарья Левонтьевъ сынъ Олтуфьева, да Федуро Степановъ сынъ Осеева, да Семенъ Зиновьевъ сынъ Брудковъ, да Иванъ Григорьевъ сынъ Улитина. А данную писалъ Чюдовского монастыря казенной діякъ Нечай Федоровъ сынъ, лета 7000 шестьдесятъ шестаго.

XIX. 1565 – 1566 года. Данная на деревню Павлово съ принадлежностями Московскому Чудову монастырю.

Се язъ Савинъ, а прозвищомъ Торопъ, да язъ Федоръ, да язъ Иванъ Семеновы дети Муха- нова дали есмя въ домъ пречистые Богородицы честнаго и славнаго ея Благовещенья, и великому Архистратигу Михаилу и честному его Чюдеси, и святому великому чюдотворцу Алексею, митрополиту Кіевскому и всеа Руси, при архимандрите Левкее да при соборныхъ старцехъ, при келаре при Іеве Долгомъ, да при казначее Фегнасте, да при чашнике Никоне, да при конюшемъ Иване Шерепове, да при житничномъ ключнике Деонисье, и при всей братьи старцехъ Чюдовского манастыря, по приказу отца своего Семена Ондреева сына Му- ханова и матери своей Матрены Ивановой дочери Изъединова, свою вотчину въ Зубцовскомъ уезде, въ волости въ Шешме, на речке на Шешме, деревню Павлово, съ лесы и съ луги и со всякими угодьи, что къ той деревне изстари потягло, куды топоръ и соха и коса ходила, на вечной поминокъ отца своего душе Семенове и матери своей души Матрениной и по всехъ своихъ родителехъ, на вечной поминокъ душамъ родителей своихъ, въ прокъ, безъ выкупа, въ наследіе вечныхъ благъ; а якожъ Богъ изволитъ и намъ преставитися отъ сего житія на онъ покой въ будущей векъ, ино та деревня и по нашихъ душахъ на вечной поминокъ потомужъ въ наследіе вечныхъ благъ въ прокъ, безъ выкупа. А та у насъ деревня Павлово не продана, ни заложена, ни заменена, ни въ закупъ не отдана, ни по душамъ родителей нашихъ инде ни въ

которой манастырь не отдана, ни въ кабалахъ въ денежныхъ, ни въ хлебныхъ, ни въ записяхъ, ни въ иныхъ ни въ какихъ крепостехъ не писана нигде ни у кого; а явитца на ту нашу деревню на Павлово крепость какова нибуди, и намъ та деревня Павлова манастырю очищати ото всякихъ крепостей и убытка намъ въ той деревне къ манастырю никоторого не довести ни по какимъ крепостямъ; а роду нашему и племяни по отце нашемъ и по матери до тое нашіе деревни до Павлова дела нетъ никому, потому что есмя ее дали по отце своемъ и по матери своей и по всему роду родителей своихъ и по своихъ душахъ на вечной поминокъ въ прокъ, безъ выкупа, въ наслеге вечныхъ благъ. А у сее даные моей Савиновой Тороповой и моей братьи Федоровой и Ивановой рукъ нету, потому что язъ Торопъ грамоте учился да не доучился и писати не умею, а братья моя Федоръ и Иванъ оба грамоте не умеютъ же; а впередъ, будетъ братья моя грамоте и писати научатся, и имъ руки свои къ сей даной приложити и въ мое въ Савиново въ Торопово место. А сю есмя даную положили въ чюдотворцову Алексееву раку, и архимандриту съ братьею та наша даная взяти изъ чюдотворцовой раки въ манастырскую казну, и деревнею Павловою со всякими угодьи владети по сей даной, а родители наши поминати въ веки, доколе сія святая обитель стоитъ. А на то послуси: царя и государя великого князя діакъ Мелентей Ивановъ да Михайло Петровъ сынъ Подушкина, да Ондрей Елисеевъ сынъ Исакова, да Исупъ Леонтьевъ сынъ Ноугородпова, да Володимеръ Дементьевъ сынъ Стеблевъ, да Борисъ Леонтьевъ сынъ Волочаниновъ. А даную писалъ царевъ и великого князя подьячей Кондратей Петровъ сынъ, лета 7000 семдесятъ четвертаго.

XX. 1591 марта 12. Данная (вкладная) на оброчныя пожни Кириллову Белозерскому монастырю.

Се язъ Федоръ Некрасовъ сынъ, серебряникъ, далъ есми свои закладные две пожни въ домъ пречистой Богородицы и великому чюдотворцу Кирилу въ Кириловъ монастырь игумену Марку яже о Христе съ братьею: пожня за рекою за М ... сою въ межахъ съ Федоровыми детми Локтева, да другая пожня за болотомъ въ межахъ съ Нечаемъ съ Леванидовымъ; а оброку съ нихъ сходить

государю въ казну денежного три алтына безъ дву денегъ. А вкладную писалъ Ватаманецъ Дмитреевъ сынъ Кемской, з лета 7099 марта въ 12 день.

Приложение № 3. Купчие грамоты[144].

Х. 1515г. апреля. По государя своего слову пресвященнаго Варлама, митрополита всея Руси, се язъ митрополичь дворецкой Феодоръ Федоровичь Сурминъ купилъ есмь въ домъ пречистой Богородици и святаго чюдотворца Петра митрополита, и государю своему пресвященному Варламу, митрополиту всея Руси, у Филипа да у Василья у Васильевыхъ детей Обориныхъ, и у племянника ихъ у Михайла у Семенова сына Оборинажъ ихъ отчину селцо Оборино, да деревню Новинки, какъ за ними было, и съ всемъ съ темъ, что къ тому селцу и къ деревне потягло изъ старины, съ луги, и съ пожнями, и съ лесы, и съ всеми угодьи, куды изъ того селца и изъ деревни плугъ и топоръ и коса ходила. А далъ есми имъ на томъ селце и съ деревнею сто рублевъ денегъ, да пополнка корову; а купилъ есмь то селцо и съ деревнею къ домовному пречистыа Богородици и къ митрополичю къ Спасскому селу въ прокъ безъ выкупа; а отводъ имъ тому селцу и съ деревнею потомужъ отвести митрополичю Володимерскому наместнику Феодору Васильевичю Тирону, какъ то у нихъ по государеве по митрополиче грамоте селцо и съ тою деревнею мерилъ, да и розводная грамота Федору Васильевичю Тирону взяти у нихъ потому же. А то селцо и съ деревнею въ Володи-мерскомъ уезде въ Полскомъ стану на речке на Содошке. А на то послуси: Иванъ Близнець Ивановъ сынъ Ларюнова, да Иванъ Григорьевъ сынъ Рагозина Меншой, да Угримъ Васильевъ сынъ Внукова, да Постникъ Дмитріевъ сынъ Новикова, да Кузяй Андреевъ сынъ Стригинъ, да Нечай Юрятинъ сынъ Новикова, да Семенъ Васильевъ сынъ Буженинина. А

[144] Источник: № 147. Купчія на деревни и села съ принадлежностями. (X, XII, XIV) // Акты, относящиеся до юридического быта Древней России: в 3 т. / Изданы Археографической комиссией под редакцией члена комиссии Николая Калачова. – СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1857–1884. – Т. 2. 1864. – Стб. 346–347; 361–362; 364–365.

купчюю грамоту писалъ митрополичь дворцовой дьякъ Gетръ Стрига, лета 7023 априля.

По сей купчей меня Василья съ братомъ моимъ съ Филипомъ и съ братаничемъ нашимъ съ Михайломъ денги дошли, и землю есмя свою продали, и руку язъ Василей приложилъ. Но сей купчей меня Михайла съ моими дядями съ Филипомъ и съ Васильемъ денги дошло, о землю есмя свою продали, и руку язъ Михайло приложилъ. По сей купчей язъ Иванъ Близ- нецъ послухъ и руку приложилъ. По сей купчей язъ Угримъ послухъ и руку приложилъ. По сей купчей язъ Постникъ послухъ и руку приложилъ. По сей купчей язъ Иванъ Меншой послухъ и руку приложилъ. По сей купчей язъ Нечай Юрятинъ сынъ Новикова послухъ и руку приложилъ. По сей купчей язъ Кузяй послухъ и руку свою приложилъ. По сей купчей язъ Семенъ послухъ и руку свою приложилъ.

XXII. 1559–1560 года. Се язъ Василей Петровичь Борисовъ, да съ своимъ сыномъ съ Михайломъ, продали есмя въ домъ живоначалной Троице и святыхъ страстотерпецъ Бориса и Глеба и преподобного чюдотворца Макарья въ Колязинъ монастырь игумену Лаврентью съ братьею свою вотчину деревню Неелово да починокъ Максимково въ прокъ безъ выкупа, что на ней жилъ мой человекъ Поветко Клобурниковъ, въ Кашинскомъ уезде въ Жабенскомъ стану на реке на Жабне, съ у лесы, и съ луги, и съ пожнями, и со всеми угодьи и со всемъ съ темъ, что къ той деревне и къ починку изстари потягло, куды ходилъ изъ тое деревни и изъ починка топоръ, плугъ, соха и коса. А взяли есмя на той деревне и на починке у игумена съ братьею сто рублевъ денегъ да пополнка конь. А та у насъ деревня и починокъ ни проданъ, ни промененъ, ни заложенъ въ кабалахъ, ни въ хлебныхъ ни въ денежныхъ; а где вылягутъ на ту деревню и на починокъ кабалы хлебные и денежные, или купчіе, или меновные, или иные которые крепости, и мне Василью и моему сыну Михайлу та деревня и починокъ очищати, а къ манастырю и къ игумену и къ братье убытка не довести никоторого; а будетъ игумену Лаврентью съ братьею, или по немъ иный игуменъ въ Колязине манастыре будетъ, не до земли, и имъ мимо меня Василья и моего сына Михайла и мимо мой родъ тое деревни и починка въ иной родъ не продати,

ни променити нигде. А на то послусш: Ондрей Третьяковъ сынъ Тишкова, да Олександро Ондреевъ сынъ Кожинъ, да Офонасей Григорьевъ сынъ Постелниковъ, да Захарья Салмановъ сынъ Ушакова, да Ондрей Ивановъ сынъ Борановского. А купчюю писалъ Мансуръ Ивановъ сынъ Яковлева, лета 7000 шестьдесятъ осмаго.

XXIV. 1571–1572 года. Се язъ князь Петръ княжъ Тимофеевъ сынъ Пожарского, по приказу снохи своей княжъ Петровы Борисовича Пожарской княгини Федосьи княжъ Семеновы дочери Мезецкого, продалъ есми въ Стародубевъ Ряполовскомъ въ Мугрееве вотчинную деревню Три Дворища, что купилъ дядя мой князь Борисъ Федоровичь Пожарской у князя Ивана Михайлова сына Большаго Пожарскаго, да пожень пятую выть на реке на Луху, и съ покосы, и съ лесы, и со всеми угодьи, князю Михайлу княжъ Федорову сыну Третьякова Пожарского, въ прокъ, безъ выкупа, ему и его детемъ, со всеми угодьи, куды изстари топоръ и соха и коса ходила. А взялъ есми у князя Михайла у Пожарского за ту вотчину брата своего княжъ Петрову Борисовича деревню Три Дворища, по приказу снохи своей, и за пятую выть пожень, 15 рублевъ денегъ да пополнка шубу белью хребтову. А та деревня Три Дворища, опричь князя Михайла, не продана, и по душе въ монастырь и въ приданые не отдана, и не заложена въ хлебныхъ и денежныхъ кабалахъ ни у кого; а вылегутъ на ту деревню, опричь князя Михаила, крепость какая нибуди, и мне князю Петру князя Михаила очитати и убытка князя Михайла не довести никотораго. А на то послуси: Никита Григорьевичь Яхонтовъ, да Иванъ Андреевъ сынъ Бреховъ, да Иванъ Володимеровъ сынъ Шестаковъ, да Василей Ивановъ сынъ Перепелицынъ, да Сила Четверта- ковъ сынъ Сычовъ. А купчею нисалъ Васка Ивановъ, лета 7080.

У подлинной купчей на затыли пишетъ: князь Петръ, по приказу снохи своей княгини Федосьи, деревню Три Дворища да пятую выть пожень продалъ и денги взялъ и руку приложилъ. Послухъ Иванъ руку приложилъ. Послухъ Иванъ руку приложилъ. Послухъ Сила руку приложилъ. Послухъ Василей руку приложилъ.

У подлинной купчей на затыли писано: лета 7095 сю купчую язъ князь Дмитрей Михайловичь Пожарской, по приказу отца своего князя Михайла Федоровича Пожарского, далъ въ Спаской Еуфимьевъ монастырь по своихъ родителехъ, въ наследіе вечныхъ благъ, при архимандрите Левкіи съ братьею, или кто по немъ иный архимандритъ и братья въ томъ монастыре будутъ, въ Стародубе Ряполовскомъ вотчину свою деревню Три Дворища: и имъ, по сей нашей даной крепости, тою вотчиною деревнею владети, дондеже святая обитель стоитъ, и даную есми особную на ту свою вотчинную деревню далъ, за своею рукою. А подписалъ сю старую крепость своею рукою язъ князь Дмитрей Михайловичь Пожарской.

Приложение № 4. Льготные грамоты[145].

XXI. 1498, генваря. Гр. ж. льгот, людямъ, живущимъ на земляхъ Симонова монастыря, въ заменъ положеннаго на нихъ оброка.

Се яз княз Иван Борисович пожаловал есми анхимандрита Фегнаста Симановского манастыря з братею, или хто по неле иныи анхимандрит будет, что их села в моей отчине в Рузе: Коринское да Кусакинское и з деревнями, да Богородицкое Василевское село Неверова и з деревнями, и кто у них на тех землях учнет жити людей, и тем людем ненадобе моя кнжа Иванова Борисович дам, ни ям, ни подводы, ни мыт, ни талега, ни коня моего не кормят, ни сен моиж не косят, ни к сотцкому, ни к десятцкие с тяглыми людми не тянут ни в какие проторы, ни розметы, ни иные им никоторые пошлины ненадобе, ни розвинское, опроче посадничи половины. А наместници мои Рузские и их тиуни на те земли к монастырским людем не всылают ни по что, ни кормов своих у них не емлют и не судят их ни в чем, опроче одного душегубства, а праведчики и доводчик

[145] Источник: № 31. Грамоты жалованныя льготныя. (XXI–XXIV) // Акты, относящиеся до юридического быта Древней России: в 3 т. / Изданы Археографической комиссией под редакцией члена комиссии Николая Калачова. – СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1857–1884. – Т. 1. 1857. – Стб. 114–120.

поборов своих на них не берут и не вежжают к ниле ни по что. А выдает и судит тех своих людей анхимандрит салмили кому прикажет; а случитца суд о разбои или о татбе с поличным, а будут оба монастырьские, и анхимандрит их судит или его приказник да судив доложит о том деле меня кнзя Ивана Борисович или моего боярина введеного; а случитца суд сместнои манастырьским людем з городцкими людми, и наместьници мои и их тиуни судят, а анхимандрит или его приказник с ними судит, а прав ли, виноват ли анхимандрич члвек, и он в правде и в вине анхимандриту или его приказнику, а наместници мои и их тиуни не вступаются в манастырского члвека ни в правого, ни в виноватого, а анхимандрит въ их члвека не вступается ни в правого, ни в виноватого. А дают мне кнзю Ивану Борисович за дан и за все пошлины оброком з году на год на Ржство Хсво в мою казну осмь рублев. А через сю мою грамоту кто что на них возмет или чем их изобидит, быти ему от меня кнзя Ивана Борисович в казни. А дана грамота лета седмь тысещь шестаго, генваря.

XXII. 1511, іюля . Гр. ж. льготн. людямъ, живущимъ въ деревняхъ Онтушове, Бородине, Овсяникове и другихъ, принадлежащихъ Іосифову Волоколамскому монастырю.

Се яз княз Феодръ Борисович пожаловал есми игумена Іосифа з братею, или хъто по нем иныи игуменъ будет, что яз княз веодоръ Борисович променил игумену 1осифу з братею свои дрвни: Онтушово, да Бородино, да Овсяниково в Монеже, да выменил игумен Іосиф з братею у кнзя у Василя у Холмьского в Сестринском стану дрвню Шелыгино да дрвню Дедищево, и хто у них в теж дрвнях учьнут жити людей, и тех их людем ненадобе моя кнжо Феодрова Борисович дан; также им ненадобе ям, ни подводы, ни мыт, ни талега, ни коня моего не кормят, ни сен моих не косят, ни к сотцкому, ни г десятцким с тяглыми людми не тянут ни въ что, ни в какіе проторы, ни в розметы; ни иные иле никоторые пошлины ненадобе, ни розвинское, оприч посадничи половины, ни повъротного, ни посошнаго корму, ни городчиковые пошлины не дают, а наместници мои Вълоцкіе и их тиуни кормов своих у них не емлют и не всылают к ним ни по что и не судят их ни в челе, опроче дшегубъства, а праведчики и

довъдчики поборов своих у них не берут и не вежжают к нимъ ни почто. А ведает и судит игуменъ Ісиф тех своих людей сам въ вселе и въ татбе с поличным, или кому прикажет; а случится суд сместнои тем его людем з городцкими людми или с волостными, и наместници мои и вълостели и их тиуни судят, а игумен Іосиф или приказщик монастырьскои с нимиж судит; а прав будет или виноват монастырьскои члкъ, і он въ правде и в вине игумену Іосифу з братею, или их приказщику, а наместници мои Вълоцкіие и вълостели и их тиуни у них ни в правого члка, ни в виноватого не вступаютца; а прав будет или виноват городцкои члкъ или вълостнои, і он въ правде и в вине наместником Волоцким и вълостелеле и их тиуном, а игумен Іосиф з братею и их приказщик у них вь их члка не вступаются ни в правого, ни в виноватого, а исцово доправят на виноватом. Также есми пожаловал игумена Іосифа з братею: мои кнзи и бояре и дети боярскіе и ловчіе и псари и всякіе ездоки вь их дрвнях не ставятся, ни кормов, ни подвод, ни провъдников у ниж не емлют. А кому будет чего искати на монастырьском приказщике, ино их сужу яз княз Феодоръ Борисович или мои бояринъ введенои; а явит грамоту наместникомъ и их тиуномъ, і он явъки не дастъ ничего. А хто ся ослушает сее моеи грамоты, быти ему от меня кнзя Феодра Борисович въ казни. А дана грамота лета седмь тысящъ девятого на десят, іюля.

XXIII. 1530 іюля 28. Гр. ж. льготн. людямъ, живущимъ на Кашинскихъ земляхъ Колязинскаго Троицкаго монастыря.

Се яз княз Юрьи Іванович пожаловал есми Жывоначалные Троци Колязина манастыря игумена Пимина з братею, или по нем иныи игу ..... Жывоначалн..... их м .... стырское селцо Русиново, да дрвня Молчанове, да пустот Иконниче, да трет пустоши Симанцова въ Кашинсколе уезде в Нерехотцком стану, и хто у них в том селце и в дрене и на пустотех учнут жити людей, и наместници мои Кашинскіе и их тиуни тех людей не судят ни в челе, оприч душегубства и розбоя с поличным, и кормов своих на них не емлют, ни всылают к ним ни по что, а праведчики и доводчики поборов своих на них не берут, ни въезжают к ним ни по что; а выдает и судит тех людей игумен Пимин з братею сам во всем или кому приказжют; а случитца суд сместнои тем людем

з городцкими людми или с становыми, и наместници мои Кашинскіе и их тиуни судят, а игумен з братею или их приказщик с нимиж судит, а присудом делятца на полы. А кому будет чего искати на манастырском приказщике, ино их сужу яз княз Юрьи Иванович или мои боярин введенои. Писак в Дмитрове, лет 7030 осмаго, июля въ 28 д.

XXIV. 1562 апреля 22. Гр. ж. льготная, данная митрополитомъ Макаріемъ сыну боярскому Племянникову въ пользу находящейся у него въ селе церкви.

Божіею милостію се азъ смиренный Макарей, митрополитъ всеа Русіи, пожаловалъ есмь царева великого князь сына боярского Василья Григорьева сына Племянникова: что мне билъ ; челомъ, а сказывалъ, что у него церковь святаго чюдотворца Николы въ его селе въ Бочине въ Галицкомъ уезде, и тотъ де у него храмъ стоитъ безъ пенія отъ Казанскихъ Татаръ тридцать летъ, и мне бы его пожаловать дати ему на ту церковь своя жалованная лготная грамота на пять летъ, — и язъ его пожаловалъ, далъ ему лготы на пять летъ: и который попъ учнетъ у него у той церкви пети, и ненадобе тому попу въ ту пять летъ моя дань, ни данской кормъ, ни данскія пошлины, ни сборное, ни Петровское, ни къ старост ь поповскому въ ту пять летъ съ тяглыми попы не тянетъ, а десятинницы мои того попа не судятъ; а кому будетъ до того попа каково дело, и язъ Макарей, митрополитъ всеа Росіи, самъ его сужю; также и десятинницы мои и ихъ тіуни и довотчики у того попавъ ту пять летъ пошлинъ своихъ: взьезжего, ни явленые куницы, ни осеннего проезда, ни иныхъ никоторыхъ не емлютъ же, а заещики мои у того попа заезда своего не емлютъ же. А какъ отойдетъ лгота пять легъ, и тому попу ся наша грамота явити у насъ на Москве нашему казначею, и мы тогды, посмотря по приходу, и данью обложимъ; а нечто тотъ попъ сіе нашіе грамоты после техъ урочныхъ летъ сіе нашіе грамоты у насъ на Москве не явить, и намъ велеть на томъ попе и на те урочные лета взяти дань..... ся. А дана грамота на Москве, лета 7070 апреля въ 22 день.

АНТИПЛАГИАТ
ТВОРИТЕ СОБСТВЕННЫМ УМОМ

Отчет о проверке на заимствования №1

Автор: Moiseenko Arseniy moiseenkoarseniy@gmail.com / ID: 2649920
Проверяющий: Moiseenko Arseniy (moiseenkoarseniy@gmail.com / ID: 2649920)

Отчет предоставлен сервисом «Антиплагиат»- http://www.antiplagiat.ru

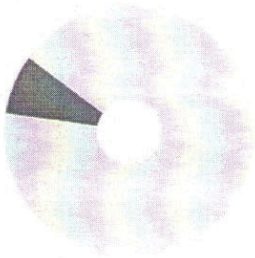
ИНФОРМАЦИЯ О ДОКУМЕНТЕ

№ документа: 67
Начало загрузки: 06.06.2018 05:09:53
Длительность загрузки: 00:00:03
Имя исходного файла: Моисеенко А. Д. ВКР
Размер текста: 1327 кБ
Символов в тексте: 232804
Слов в тексте: 29769
Число предложений: 2611

ИНФОРМАЦИЯ ОБ ОТЧЕТЕ

Последний готовый отчет (ред.)
Начало проверки: 06.06.2018 05:09:56
Длительность проверки: 00:00:05
Комментарии: не указано
Модули поиска:

ЗАИМСТВОВАНИЯ	ЦИТИРОВАНИЯ	ОРИГИНАЛЬНОСТЬ
8,06%	0%	91,94%

Заимствования — доля всех найденных текстовых пересечений, за исключением тех, которые система отнесла к цитированиям, по отношению к общему объему документа.
Цитирования — доля текстовых пересечений, которые не являются авторскими, но система посчитала их использование корректным, по отношению к общему объему документа. Сюда относятся оформленные по ГОСТу цитаты; общеупотребительные выражения; фрагменты текста, найденные в источниках из коллекций нормативно-правовой документации.
Текстовое пересечение — фрагмент текста проверяемого документа, совпадающий или почти совпадающий с фрагментом текста источника.
Источник — документ, проиндексированный в системе и содержащийся в модуле поиска, по которому проводится проверка.
Оригинальность — доля фрагментов текста проверяемого документа, не обнаруженных ни в одном источнике, по которым шла проверка, по отношению к общему объему документа.
Заимствования, цитирования и оригинальность являются отдельными показателями и в сумме дают 100%, что соответствует всему тексту проверяемого документа.
Обращаем Ваше внимание, что система находит текстовые пересечения проверяемого документа с проиндексированными в системе текстовыми источниками. При этом система является вспомогательным инструментом, определение корректности и правомерности заимствований или цитирований, а также авторства текстовых фрагментов проверяемого документа остается в компетенции проверяющего.

№	Доля в отчете	Доля в тексте	Источник	Ссылка	Актуален на	Модуль поиска	Блоков в отчете	Блоков в тексте
[01]	2,1%	2,1%	https://issc.nsu.ru/upload/%D...	https://issc.nsu.ru	23 Авг 2017	Модуль поиска Интернет	53	53
[02]	0,65%	1%	Периферийная империя: ци...	http://lib.rus.ec	раньше 2011	Модуль поиска Интернет	14	24
[03]	0,59%	0,9%	Правительственная полити...	http://cheloveknauka.com	раньше 2011	Модуль поиска Интернет	14	23

Еще источников: 17
Еще заимствований: 4,72%